

День первый.

Ну, вот наконец-то и все...

Несколько странное начало для дневника, но именно такое ощущение возникло сразу после того, как 60-килограммовому мне все-таки удалось затолкать сопротивляющийся 30-килограммовый чемодан на третью полку плацкартного вагона Санкт-Петербург – Москва. Наконец-то остались позади получения виз, поиск и покупка билетов, сбор информации по аренде жилья и подготовка оборудования, улаживание домашних дел и куча других мелких, но от того не менее важных забот. Теперь все это в прошлом, но даже сейчас мне с трудом верится в то, что спустя всего лишь сутки я окажусь в Индии, где проведу ближайшие полгода не обремененный никакими обязательствами и окруженный ее роскошной природой.

Ну, вот наконец-то и все. Все наконец-то начинается.

День второй.

Пока сижу в аэропорту в ожидание рейса до Абу-Даби, есть время вспомнить о том, каким образом это путешествие вообще оказалось возможно.

Для начала надо признать, что Индия была последней в списке стран, которые я хотел посетить. Несмотря на богатую историю и природу, она всегда представлялась мне чем-то шибко грязным, а я, признаться, брезглив. Да и не только у меня не вызывают симпатии кишасящие тараканами поезда, и уж точно мало кого очарует традиция брать воду на чай, мыться и хоронить мертвых в одной и той же реке. Опять-таки, практически гарантированная каждому пребывающему диарея...

Все это отталкивало от Индии, но в тоже время я давно мечтал уехать куда-нибудь не на неделю-другую в так называемый отпуск, по истечении которого пришлось бы со стенаниями возвращаться домой, а всерьез и надолго, чтобы наконец по-настоящему заняться фотографией. Будь у меня

выбор, я предпочел бы испытать свои способности где-нибудь на Мадагаскаре или Коста-Рике, но ограниченность бюджета заставила стать скромнее, а его трезвая оценка ясно дала понять: Индия — единственное место, которое я могу себе позволить.

Пришлось делать выбор: остаться на насиженном месте и ближайшие полгода сетовать на холод и дождь с мокрым снегом или все же рискнуть. Решил рискнуть (что выразилось в распродаже всего движимого имущества и уходе из адвокатуры, которой были посвящены последние 9 лет), а уж стоило ли оно того, покажет время.

День четвертый.

2-й день в Индии...хотя правильнее было бы назвать его первым, поскольку тот, который был действительно первым, можно смело вычеркнуть из жизни.

Прилетев ночью к хорошим знакомым в Кочин (Санджай учился в Питере на доктора, где и встретил Маргариту, с которой теперь живет во вполне счастливом браке), мы с моей женой при помощи уже их хорошего знакомого очень быстро прошли все кордоны, после чего ступили во влажную, душную индийскую ночь, где затаилось не менее душное индийское такси. К счастью, на ходу оно прекрасно продувалось ветрами, и буквально через полчаса мы были уже на месте, в коем и провалились в не слишком освежающий сон.

Очнувшись часов через 6, получили на завтрак что-то из местной кухни, из чего я запомнил только жареную акулу, всего за несколько часов до этого находившуюся на вершине пищевой цепи. Затем мы в сопровождении своих любезных хозяев совершили небольшую прогулку по нескольким магазинам, до которых добирались на моторикшах — незабываемое впечатление, особенно острое в часы пик, когда основной принцип индийских водителей — мчаться на полном ходу туда, где есть свободная щель — проявляется особенно ярко. Когда возвращались, в потемках мимо нас проносились летучие мыши, и это уже обнадеживало.

Тем же вечером Санджай позабавил рассказом о том, как он сообщил своим родственникам про пару русских, что приезжают в Индию на 6 месяцев. Прожив здесь всю жизнь, они искренне недоумевали: чем тут можно заниматься полгода? На это Санджай сказал, что я собираюсь изучать «Indian insects».

- Indian in sex? – недоумевали они. – А что ж тут изучать-то?

Пришлось Санджаю объяснять, что меня интересуют скорее индийские насекомые, нежели особенности местного времяпрепровождения. Надо будет это учесть, а то не избежать неприятных недоразумений, вроде обвинений в сексуальных домогательствах и сопряженных с ними ночевках в кутузке.

Ну, а сегодня нам устроили обзорную экскурсию по Кочину. Памятники, включая церковь, где был похоронен Васко да Гама, впечатлили не сильно, но что творится вокруг озера – не передать. Я ездил из Питера в заказник под Лугой за 200 км, чтобы иметь хотя бы призрачный шанс узреть цаплю или хищную птицу, а здесь они просто на каждом шагу, по помойкам шарятся, будто голуби с воронами! Эх, если бы не пришлось перед отъездом продать свой телевичок...

День пятый.

4 часа в знаменитом индийском поезде – и ни одного таракана. То ли ввали американские фильмы, то ли с поездом повезло, но в любом случае приятно.

Посмотрели комнату, которую нам подобрала живущая здесь русская женщина Мария, и ощущение приятности усилилось. Учитывая стоимость (а составила она всего 87 долларов в месяц), все оказалось на удивление чисто и опрятно; разве что нет обещанной газовой плиты, но хозяин – очень улыбчивый, доброжелательный и бойкий мужик 54-х лет – клятвенно заверил, что скоро ее поставит.

Пошли к морю обозреть его безбрежные просторы, но разглядеть их впотьмах (а дело было уже вечером) не смогли. Да и вообще в свете редких фонарей все показалось довольно-таки мрачным.

Во время ужина в ресторанчике с видом на невидимое море ливанул дождь. Кончился он быстро, но на обратном пути мы с трудом смогли перебраться через огромную лужу, разлившуюся – по русскому обычаю – прямо посреди дороги. Чтобы ее хоть как-то обогнуть, пришлось забраться в придорожные кусты, оказавшиеся не только мокрыми, но и пыльными. Изгваздал всю футболку, вследствие чего сильно негодовал. Все-таки есть между нашими странами нечто общее.

День шестой.

С утра пораньше отправились на пляж, где лишний раз убедились в том, что ночью серые не только кошки. При свете дня море – хоть и довольно бурное – оказалось там, где ему и положено быть, а теплая, чистая вода, из которой вообще не хочется выходить, доставляет огромное удовольствие.



Прямо над пляжем (который, кстати говоря, называется Папанассам) и вдоль значительной части побережья вообще возвышается утес высотой метров в 25-30, по которому проложена мощеная дорога. С одной ее стороны вперемешку расположились ресторанчики и магазины, а с другой - крутой обрыв, огороженный легким деревянным заборчиком и цветущими кустами. Ну, а дальше – только пляж да безбрежное море, над которым кружат коршуны, гонимые ветром и воронами.

На обратном пути прошлись вдоль сувенирных магазинчиков, где стали свидетелями того, как очередная легкомысленная красотка расплачивается за пагубное пристрастие к побрякушкам.



Надо отдать должное хозяину лавки: поняв, что мы хоть и топчемся битый час у витрины, но интересуемся отнюдь не сувенирами, он даже предложил вытащить стенд вместе с украшением и пауком на улицу, дабы мне было сподручнее изголяться. Перефразируя Донну Розу де Альвадорес, можно сказать, что он «т-а-а-кой лю-ю-юбезный мужчина, это что-то!».

День седьмой.

Наконец-то более или менее отоспался. Встал в семь утра и ощутил резкий укол совести, вспомнив, зачем сюда приехал. Так всегда и бывает: пока ты не выспишься, совесть мирно поживает, но стоит тебе отдохнуть, как она, зараза, тоже взбодрится. В этом плане совесть сродни аппендиксу: совершенно бесполезна в обычном состоянии, но готова воспалиться при первом же удобном случае. Короче говоря, пришлось, несмотря на облачное

небо, натягивать кроссовки, приторочивать вспышки к камере и двигать на улицу.

Еще в первый день по прибытии я заметил небольшое поле, расположенное метрах в 70 по диагонали от нашего пристанища. Туда-то я и направил свои стопы в поисках первых трофеев...но не дошел.

Нет, совесть не уснула, и даже я сам продолжал сохранять некоторую бодрость. Просто на голом кустике, росшем на полпути к упомянутому полю, в каком-то диком шпагате раскорячилась небольшая ящерка.



Уцепившись за веточку, она замерла в ожидании первых солнечных лучей и, заметив приближение устрашающей конструкции, состоявшей из камеры, вспышек и штатива, поначалу несколько обеспокоилась. Свалившись немного в бок, она вроде как даже спряталась за веточкой и бросила на меня оттуда настороженный взгляд. Но то ли характер у рептилии оказался доверчивый, то ли маловато энергии с утра пораньше, но вскоре она успокоилась и

позволила приблизиться к себе практически вплотную.



Закончив с ящеркой, двинулся дальше по намеченному ранее маршруту, но тут же был вынужден забраться под дерево, так как начался дождь. Постоял минут 10-15, дождался, пока дождь усилится еще больше, а потенциально малярийные комары, прятаясь от него вместе со мной, закончат завтракать, я рассовал вспышки по карманам, камеру – под футболку, и, почесываясь, уныло побрел в сторону дома.

Вечером напомнил хозяину об его обещании поставить нам плитку, на что он мне долго что-то объяснял, но в конечном итоге сказал, что скоро она будет. По крайней мере, я его так понял...

День восьмой.

Наконец-то увидел слона – его заводили в соседний двор для выполнения каких-то работ.

Не возьму в толк, почему именно слон стал символом Индии? За неделю пребывания здесь сегодня я увидел его впервые. То ли дело ящерицы – они тут буквально на каждом шагу. Только сегодня я встретил их с десятков – и это не считая гекконов, что постоянно бегают по стенам и потолку нашей комнаты... Впрочем, обо всем по порядку.

С самого утра светило солнце, но в поле я не пошел, потому как вымокшие накануне одежда и обувь так и не просохли после дождя – это вам, к сожалению, не Египет.

Посему решил пройтись по дорожке вдоль магазинов – ведь когда я бродил там первый раз, мне встретились уже упоминавшиеся паук с бабочкой, парочка очень фотогеничных ящериц, гревшихся на заборе, а в траве между лавками крупная черная оса терзала кузнечика. Иными словами, здесь даже обычная прогулка «по магазинам» может подарить отличные кадры, тем более что местные предприниматели не слишком назойливы – это вам, к счастью, не Египет.

Тем более досадно было видеть глубокое разочарование на лице одного из ресторанных зазывал, когда в ответ на его приглашение позавтракать я сначала резво метнулся к указанному им столику (чем несказанно его порадовал), но потом вдруг присел перед ним на корточки и, деликатно ткнув в стол указательным пальцем, глубокомысленно изрек:

- Акрида!

На красно-белой клетчатой скатерти и впрямь сидела ярко-зеленая саранча с сильно вытянутой головой, что официант тут же и подтвердил.

- Акрида, - авторитетно кивнул он мне.

Не знаю, понимал ли он о чем говорит, и насколько энтомология вообще близка работникам индийского общепита, но когда я покидал сие заведение так ничего и не заказав, он лишь вымученно улыбался.

Акрида, кстати говоря, фотографироваться не захотела. Зато буквально метров через 20 я наткнулся на роскошного ящера, гревшегося на кусте.



Одного взгляда достаточно, чтобы понять: его предки гуляли бок о бок с динозаврами еще во времена пленочной фотографии, и ему не престало трепетать перед кем попало. Поэтому он продолжал невозмутимо принимать солнечные ванны, покуда я выискивал наиболее выигрышные ракурсы.

Сделав несколько кадров, я услышал приглушенный женский голос, проревевший на до боли знакомом языке:

- Ой, мамочка!

- Чё там? – Мужская тональность «мамочкиного» голоса заставила усомниться в том, что за моей спиной действительно расположились мама с дочуркой. Все-таки у женщин голоса становятся такими крайне редко и разве что вследствие серьезного увлечения тяжелой атлетикой, напрямую сопряженного с употреблением самых разнообразных препаратов, способствующих росту результатов и усов по всему телу.

- Смотри, какая ящерица.

- Где? – весьма флегматичный вначале диалога, Мужской голос по-прежнему не проявлял ни малейшего энтузиазма.

- Да вон, на кусте, где дяденька фотографирует.

- Да где? – упорствовал Мужской голос, как видно подслеповатый.

- Ну, вон же, - и хоть я этого и не видел, но все же почувствовал, как указующий перст уперся мне в спину.

- А-а-а, - как-то вяло протянул Мужской голос: то ли он был совсем незрячий и по-прежнему меня не замечал, то ли его просто не впечатляли ни впечатляющего вида ящерицы, ни фотографирующие их фотогафы.

- Я тоже хочу сфотографировать, - насторожил меня Женский голос.

- У тебя не получится, - ответил голос Мужской, вызвав мою глубокую признательность. – У него объектив профессиональный, а у тебя – мыльница. Не, не выйдет.

Я был вынужден признать, что Мужской голос хоть и слепой, но очень умный, и образ 100-килограммовой усатой штангистки, вопреки всякому здравому смыслу закрепившийся за ним в моем подсознании, оказался мгновенно вытеснен образом Вуди Алена.

- Я все-таки попробую, - не унимался его оппонент, и вскоре за моей спиной послышался устрашающий топот стада бизонов. Женский голос, по-видимому, считал свое приближение крайне осторожным, но рептилия придерживалась на этот счет иного, гораздо более объективного мнения. Ощутив колебания почвы силой в 9 баллов по шкале Рихтера, она рванула с места резвее, чем объевшийся позаимствованных у штангистки анаболиков спринтер.

- Thank you very much, - я постарался вложить максимум чувства и произношения в одну из немногих известных мне фраз на английском языке.

- I'm sorry, I'm sorry, - залепетал Женский голос, но я не удостоил его ответом, удалившись с глубоко оскорбленным видом.

К счастью, удрал ящер совсем недалеко. Покинув зону сейсмической активности, он затаился за забором буквально в нескольких метрах, так что, дождавшись пока Вуди уведет своего расстроенного бизона на поиски плодородных пастбищ, я вернулся обратно и благополучно завершил съемку.



По-крайней мере, так в тот момент показалось. Однако стоило мне пройти метров 50 дальше по утесу, как на кустике обнаружилась еще одна небольшая рептилия, с печальным видом умудренного годами старца созерцавшая пляж.



От своих сородичей она отличалась крайне живым выражением лица, которое при моем приближении ехидно и несколько высокомерно ухмыльнулось.



В общем и целом день прожит не зря, тем более что побочным эффектом портретирования ящериц стало обнаружение логова мангустов: оказывается, они обитают на прибрежных валунах сразу за пляжем. А вот удастся ли мне к ним подобраться – это уже вопрос.

Вечером на двоих с Галей уничтожили полуторакилограммовый ананас. Замечательная вещь – совсем не то, к чему привыкаешь в Питере. Сладкий, сочный, и обошелся в 22 рубля. Обалдеть можно!

День девятый.

«Рабочие» одежда с обувью все-таки высохли, с утра светит солнце, а значит можно, наконец, и насекомых поснимать.

Первое, на что обращаешь внимание в поле, это густая горизонтальная паутина, сплетенная у самой поверхности земли. Здесь она повсюду – блестит и переливается капельками утренней росы. А вот и ее хозяин –

небольшой коричневый паучок, который имеет обыкновение прятаться где-то в глубине своих тенёт, куда ведет специальный тоннель.



Пока я ничего о нем не знаю, но надеюсь, что со временем мы познакомимся поближе. В остальном же урожай оказался не богат — всего лишь одна местная акрида, но зато весьма яркой окраски и очень забавной, сосискообразной формы.



Это, конечно, не то, чего ожидаешь от Индии, но пока не буду спешить с выводами, поскольку по опыту знаю, что любое место раскрывает свои секреты постепенно.

Вечером наш любезный хозяин угостил нас бананами из своего сада. Тут уместно упомянуть, что в Индии обычны желтые, красные и зеленые бананы, причем зеленые не являются недозревшими желтыми, как и красные – их переспелой версией. Все это самостоятельные сорта, и каждый включает в себя как крупные (такие, к которым мы привыкли дома), так и мелкие разновидности.

Так вот нам преподнесли мелких желтых, но еще незрелых бананов, и преподнесли, надо сказать, с размахом; хозяин не стал утруждать себя мелочами, а приволок целую ветвь. Я было попытался объяснить, что не съедем, но он сказал, что они будут дозревать постепенно и надо лишь снимать урожай поспевших желтых бананов. Учитывая объем дара, не уверен, что когда-нибудь снова захочу отведать этих дивных плодов. А ведь раньше я их очень любил...



День десятый

С утра был в поле и наконец-то добыл нечто, что действительно можно назвать экзотикой. Правда, это опять-таки кузнечик, да к тому же небольшой – от силы сантиметра полтора, - но зато какой изумительной окраски!



Находка внушила оптимизм, и после обеда я отправился на утес (к обрыву за пляжем), чтобы «поохотиться» на мангустов. Место оказалось довольно-таки гаденьким: все кому не лень сбрасывают сюда мусор и, судя по его огромному количеству, ленивых здесь нет.

Тем удивительнее, что именно это место мангусты избрали своей резиденцией. Один из них появился в нескольких метрах передо мной и тут же исчез, быстро скользнув между камнями. Через мгновение появился снова, и снова исчез в расщелине – на этот раз окончательно. К сожалению, сам я в это время был полностью сосредоточен на том, чтобы не переломать ноги и не разбить камеру во время преследования, а потому увековечить его грациозные передвижения не сподобился.

Просидев на камнях около часа, я не увидел больше ни одного мангуста, но зато понял, чем их прельстили эти места. Мало того, что прибрежные валуны буквально кишат мерзкими, но такими аппетитными с точки зрения мангуста мокрицами, разбегающимися из-под ног так, что кажется, будто движутся сами камни, так здесь же еще полно и крабов. И чем ближе к морю, тем крабы крупнее – думаю одного такого было бы вполне достаточно, чтобы накормить даже очень неумеренного в еде хищника.

Возможно, сидение на валунах в самый солнцепек обогатило бы меня еще какими-нибудь полезными знаниями, но тут начал накрапывать дождик, который вскоре усилился настолько, что мне пришлось поспешно ретироваться.

Остаток дня и вечер провели в ресторанчике «Abba» на утесе. Жареный рис (на этот раз с овощами) был вполне съедобен, но уже начинает надоедать, так что надо будет рискнуть попробовать что-нибудь еще. А вот шоколадный пирог у них действительно славный.

День одиннадцатый

Наконец-то мой первый богомол! Это, наверное, смешно, но для меня «экзотичность» места во многом определяется наличием именно этих насекомых – должно быть потому, что в местах моего обитания их не бывало отродясь. И вот я нашел замечательный кустик, который облюбовали богомолы.

Впрочем, «богомолы» - это громко сказано. Размером около сантиметра, баклажанного, почти черного цвета, они показались мне похожими на крупных местных муравьев. Лишь присмотревшись, я понял свою ошибку и убедился, что передо мной хоть и очень маленькие, но самые настоящие богомолы.



Сидя на своем кусте, они подкарауливают мелких муравьев, обитающих здесь же, но охота эта выглядит так же забавно, как забавны и сами охотники.

Один из них на моих глазах совершил пару резких, но крайне неудачных выпадов в сторону муравья, не обращавшего на него никакого внимания. Когда же тот после очередной промашки горе-хищника все же решил посмотреть, что это там свистит у него за спиной, богомольчик сделал вид, будто не имеет к этому ни малейшего отношения. Отвернувшись в другую сторону, он стал сосредоточенно исследовать поверхность листа, нависавшего над его головой, поскреб ее своей смертоносной клешней, а для пущей убедительности даже что-то погрыз. Выглядело это так, что я бы не слишком удивился, закури он и начни беззаботно насвистывать.

В конце концов его маневры не прошли даром и, убедив муравья в своих вегетарианских наклонностях, богомол потихоньку удалился на соседний листик, где и затаился в ожидании еще более бестолковой жертвы. Но найдется ли такая?

Потом я имел неосторожность попасться на глаза одной местной жительнице, которой, как и всем остальным туземцам, стало очень

интересно, чем это я тут занимаюсь? Увидев фотоаппарат, она тут же потащила меня к своему дому фотографировать, утверждая, что там есть что-то, напоминающее по ее произношению «mangoose». Для верности я несколько раз переспросил, действительно ли там есть мангусты, в ответ на что она интенсивно кивала.

«Мангустами» оказались члены ее семейства в восемь голов, которые по первому же зову выстроились передо мной в ряд. Их оперативности и слаженности позавидовали бы и в армии, а уж фотографы о таком могут только мечтать. Они позировали мне и совместно, и по отдельности, и готовы были продолжать до бесконечности, что меня крайне осчастливило бы, будь они насекомыми, или хотя бы обещанными мангустами.

Затем у меня попросили 10 рупий за все удовольствие, на что я продемонстрировал пустые карманы. Где-нибудь в Египте меня по такому случаю сразу же мумифицировали бы и подхоронили к какому-нибудь малоизвестному фараону, дабы избежать нудных объяснений с полицией по поводу бездыханного иностранного тела, а здесь лишь улыбнулись и вернулись к своим делам.

На обратном пути встретил самого обыкновенного богомола на свете – богомола обыкновенного (*Mantis religiosa*), которого и запортретировал.



День двенадцатый

Должен признать, что ветвь бананов оказалась весьма недурна, а ежеутренний сбор урожая с его последующим употреблением вовнутрь превратился в очень приятный ритуал.

Погода, похоже, тоже наконец-то наладилась, и с утра пораньше я отправился в поле. По обыкновению бродил кругами, как вдруг в зарослях кустарника услышал какое-то шуршание. Подумал – собаки (они тут повсюду шатаются), как вдруг в десятке метров передо мной на тропу выскочило крупное животное, по виду напоминавшее кошку, сделало 3 прыжка вперед, после чего снова скрылось в кустах. И тишина.

Я так и остался стоять с отвисшей челюстью. Дело в том, что как раз накануне мне рассказали о древесной собаке – местной достопримечательности с кошачьим телом и вытянутой по-собачьи морде. Животное это, именуемое марапати, появляется крайне редко и исключительно по ночам, поэтому даже среди местных жителей мало кому доводилось видеть его, а многие и вовсе не знают о его существовании.

Человек, от которого я узнал о древесной собаке, в молодости вместе со своим братом специально караулил ее по ночам, и однажды удача им улыбнулась – они увидели собаку, но, по его же собственному признанию, им не удалось хорошенько ее разглядеть.

Так неужели мне посчастливилось встретить этого загадочного зверя уже на вторую неделю пребывания в Индии? Не уверен, но точно знаю, что это не была обычная кошка. Слишком крупная, размерами она не уступила бы рыси (только помускулистей и покоренастей), и хотя прыжки ее были по кошачьему мягки, при этом явственно ощущалась тяжесть удара при приземлении. Внешне животное напоминало пуму, обитающую в Андах – такое же гладкошерстное, только окрас чуть темнее.

Завтра встречаюсь с мужем Марии, спрошу его поподробнее об этом звере.

Ну, а сегодня удалось разжиться парой сносных стрекозиных портретов, да махаоном, которого раньше видел только на фотографиях. Хотя лучше всего как всегда получился кузнечик, благоразумно расположившийся в бутоне цветка.



День тринадцатый

С утра пристал к хозяину со своей плитой. Несколько раз настойчиво спросил его, когда конкретно она у меня появится, на что он сначала что-то долго мне объяснял (вместо того, чтобы просто назвать дату), а потом, сообразив, что я его вообще не понимаю, усадил в свою машину и повез показывать окрестности.

Мы обозрели местный храм, рынок, и пару пунктов общепита, от вида которых дома я пустился бы наутек. Хозяин уверял, что здесь все очень вкусно и даже предлагал отобедать, но я вежливо отказался.

Когда же эта спонтанная экскурсия закончилась, я, рискуя показаться подвинутым на плите маньяком, в очередной раз поинтересовался насчет даты ее установки. Смирившийся с неизбежным, он пообещал сделать это в ближайшее время. По-крайней мере, мне так показалось...

Рассказал о своем вчерашнем приключении в поле мужу Марии, и он безжалостно развеял мои надежды войти в число избранных, видевших марапати. По его словам, марапати размерами схожа с обычной кошкой, да к тому же и время встречи – а случилась она в 8.40 утра – совсем не подходящее для этого зверя.

Жаль, конечно. Но все-равно приятно находиться в таком месте, где у тебя из-под ног выпрыгивают пумообразные дикие кошки.

День четырнадцатый.

Хозяин где-то раздобыл плиту, да не одну, а сразу две – только выбирай. Видно, что не новые, но обе рабочие. Ловкий же он мужик, этот Рэмачадран!

Богомолы тоже поперли, причем пуще газовых плит: за сегодняшний день мне попались сразу трое, и все разных видов.

Первым оказалось удивительной красоты создание сантиметров 4-х в длину. Для себя я прозвал его леопардом за пятнистую (хоть и в зеленых тонах) окраску. Сомневаюсь, что это название приживется в учебниках по энтомологии, но мне нравится.

К сожалению, «леопард» оказался очень пуглив и сильно летуч, а потому быстро упорхнул на соседнее дерево, не позволив запечатлеть себя с наилучшей стороны. Когда же я почти настиг его на дереве, он удалился уже окончательно, оставив меня с единственным портретом, дающим лишь примерное представление о его красоте.



Проследив направление, в котором он проследовал (а проследовал он, разумеется, в заросли колючего кустарника), я отправился следом. «Леопарда» там не оказалось, зато встретила фантастической внешности и размеров оса. Ее синее «стальное» тело местами отливало зеленоватым, а в длину составляло около 5 сантиметров.



Для такого гиганта – да еще с такими внушительными жвалами – она оказалась удивительно доброжелательна и даже подпустила к себе довольно близко, однако получить качественный снимок помешали сильный контраст, солнечные блики на сверкающей поверхности ее панциря и другие обстоятельства, которые традиционно сопутствуют плохим танцорам.

Когда же мои «танцы» ей все-таки приелись и она сооблаговолила удалиться, я вернулся к тому кусту, на котором ранее повстречал «леопарда». Надежда на его возвращение была ничтожно мала, но там могли оказаться его сородичи. И оказались. По-крайней мере один из них, совсем недавно преуспевший на охоте и теперь с удовольствием поедавший бабочку-толстоголовку.

Тут уместно заметить, что во время еды богомолы не только глухи и немые, как тому учит старая поговорка: все остальные чувства у них также притупляются и они не реагируют ни на что вокруг – лишь бы не отвлекаться от трапезы.



Но трапезе нашего героя как раз мешали муравьи, периодически сновавшие тут же и пытавшиеся умыкнуть у него добычу. Однако богомол не сильно переживал по этому поводу: он просто поднимал бабочку вверх, продолжая кушать на весу.



На какое-то время муравей, только что лицезревший лакомую дичь, впадал в ступор, недоумевая, куда она могла подеваться. Когда же он обнаруживал ее высоко над своей головой, то карабкался на приподнятый краешек листа и оттуда пытался дотянуться до заветной цели, которая тут же перемещалась в противоположную сторону. Муравей мчался туда, карабкался вверх и...все это ради того, чтобы увидеть, как бабочка возвращается в первоначальную позицию.

Пробежавшись так несколько раз и осознав тщету своих усилий, неудачник покидал сцену, а богомол опускал бабочку вниз и продолжал обедать в более естественной позе. Появлялся новый муравей – и бабочка снова взмывала в высь, а аттракцион начинался сызнова. Похоже, до поры до времени богомола развлекала эта игра, но вскоре она ему наскучила, и он перебрался на соседний лист, где его уже никто не беспокоил.

Ближе к полудню я направился в сторону дома и остановился на краю поля, дабы очистить одежду и обувь от тех мерзких колючек, что десятками впиваются в мою одежду каждый день. Сами они длинные, тонкие и хрупкие, а потому избавиться от них не трудно, вот только когда их вытаскиваешь,

кончики обламываются и остаются в одежде. Их тоже приходится выдергивать, потому что если этого не сделать, впоследствии они будут болезненно колоться и могут даже вонзиться в тело, причем достаточно глубоко.

Это не смертельно, но неприятно, а потому, выходя с поля, я обычно кладу камеру на траву и приступаю к чистке одежды и обуви. Так было и сегодня, но когда я закончил, то обнаружил крупного (около 7 см) коричневато-бурого богомола, с интересом разглядывавшего меня из засады.



Какое-то время он как будто размышлял о чем-то, а потом, убедившись, что я и опасности не представляю, и в пищу не гожусь, попытался уйти не прощаясь, так что мне пришлось поспешить, дабы убедить его ненадолго задержаться.



Бросив на меня напоследок взгляд, которым аборигены до поры до времени одаривали Кука, он удалился с неспешным достоинством потревоженного монарха.



Если дела и дальше пойдут таким образом, богомолы перестанут быть для меня экзотикой.

День пятнадцатый.

Мою страсть к бананам поутру разделили муравьи. Даже удивительно, что они медлили так долго, и хорошо, что я не послушал совета своего хозяина хранить ветвь на кухне.

В любом случае, я вовремя заметил мародеров – они успели пристроиться лишь как паре бананов и в небольшом количестве, а потому я просто стряхнул их, посрезал плоды с ветви и сложил их в короб. Саму же ветвь тут же выкинул с балкона – надо будет не забыть донести ее до мусорной корзины.

Нашел небольшой теневой участок, где днем отдыхают крупные красномордые цикады. Не то алкоголики, не то гипертоники – так сразу и не разберешь.



Вытащил одну из них на солнышко, посадил на оторванную веточку и попытался поснимать. Получилось так себе, потому как все время приходилось следить, чтобы она не улетела; только цикада изготавлялась к прыжку-полету, как я тут же переворачивал ее головой вниз. Крутое пики не входило в планы насекомого, и оно начинало разворачиваться в противоположную сторону, после чего все повторялось вновь. Развлекались мы так довольно долго.



Когда же мне это наскучило, я отнес ее к тому кусту, на котором когда-то повстречал «леопарда» (на деле оказавшегося индийским цветочным богомолем - *Creoboter meleagris*), где и обнаружил нового представителя этого семейства. Цикада, к ее немалому облегчению, мгновенно была забыта, и съемка началась по новой.



Размером этот зверь совсем не велик (максимум сантиметра полтора), и я принял бы его за нарост на ветке – настолько хорош его камуфляж – если бы он вдруг не начал двигаться. Медленно, не спеша, пополз он по нижней стороне ветки. Потом, решив, что ходить вверх ногами не столь уж и интересно, перебрался на поверхность листа. Тут он вдруг замер, словно почувствовав обращенный на него взгляд, и, повернув голову, уставился прямо на меня.



Мы оба пребывали в ожидании дальнейших действий друг друга, но, в конце концов, я не удержался от соблазна и нажал на спуск. Полыхнувшая вспышка не слишком смутила насекомое. Какое-то время оно продолжало неподвижно наблюдать за мной, а потом...«сделало дяде ручкой».



Это было похоже на первый контакт представителей двух разных цивилизаций, а точнее на то, как его обычно изображают в фантастических фильмах: один помигает огоньками, другой в ответ махнет рукой. Но вскоре оказалось, что такая жестикуляция вполне обычна для этого богомола: потеряв ко мне всякий интерес, он принялся поочередно вытягивать то одну, то другую лапу, причем оказалось, что изнутри они очень похожи на внутренность морской раковины – такие же гладкие и блестящие.



Временно присвоил этому чуду природы кличку «сигнальщик» - уж больно он смахивает на тех парней, что помогают пилотам военных самолетов совершать посадку на авианосцах, размахивая при этом какими-то предметами, по форме сильно напоминающими ракетки для большого тенниса. Особенно это сходство заметно на последнем снимке, сделанном в тот момент, когда «сигнальщик» как раз начал размахивать своими «ракетками».

К счастью, новая модель оказалась не способна к полетам, да и к бегству не склонна, а потому мне удалось получить пару сносных портретов даже несмотря на недостаток света.

День семнадцатый.

Наконец-то добрался до интернета, и к своему ужасу обнаружил письмо от администрации «Золотой черепахи». Оказывается, сразу 3 мои фотографии и 1 фоторассказ прошли в полуфинал конкурса, в связи с чем требовалось

предоставить их оригиналы. Впрочем, ужас вызвало отнюдь не это, а то, что загрузить их на нужный сервер оказалось просто невозможно. Потратил на это весь вечер (почему вчера ничего и не написал) и сегодняшнее утро, но так и не преуспел. Чертовски обидно!

К тому же второй день подряд донимает какая-то резь в желудке, что вообще настраивает на пессимистический лад.

К счастью, вечером повеселил Гекко (так не слишком оригинально мы прозвали нашего «домашнего» гекончика). Галя застукала его под раковиной на кухне, где он, собственно говоря, и проживает, с розовой резинкой в зубах – у нас в 90-е годы удачливые предприниматели использовали такие для перетяжки денежных пачек. Местные же продавцы (ввиду отсутствия денежных пачек) с их помощью упаковывают продукты, а поскольку тут вообще все принято заворачивать в газетку и обматывать разноцветными резиночками, то на подоконниках у покупателей образуются резиновые горы. Так вот как раз одну из таких резиночек и спер Гекко.

Вернее, лишь с одной из них он был застигнут. Дело в том, что мы и раньше замечали, что кто-то разбрасывает сложенную на подоконнике кучку резинок, но не знали, что и думать по этому поводу. Теперь же все стало ясно...или почти все. Осталось непонятно, зачем они ему все-таки понадобились?

День девятнадцатый.

День прошел не плохо. С утра попался замечательный жучара, который ночь провел в бутоне не менее замечательного цветка, словно заглотившего насекомое. Выглядело это и симпатично, и забавно, что случается не так часто.



А когда уже ближе к полудню я караулил в кустах другого очень красивого, но шибко пугливого жука, буквально в 4-5 метрах от меня проползла метровая змея. Расцветкой она напоминала нашу гадюку, и потому я бы вовсе не заметил ее на фоне коричнево-серой опавшей листвы, если бы не шуршание, которое она производила во время движения.

Я замер в надежде, что она выползет на меня, но «фокус не удался». Нас разделял густой кустарник и пара крупных камней, под одним из которых она и затаилась. Пока я обходил кустарник и продирался к тому месту, где потерял ее из вида, змеи уже и след простыл. Ну да ладно, попадется еще.

День двадцатый.

Ну, нет в жизни счастья!

Несколько лет я мечтал жить неподалеку от места, где можно было бы без хлопот снимать насекомых. Именно для этого я все бросил и приехал сюда.

И, казалось бы, мечта осуществилась, когда рядом с моим пристанищем обнаружилось чудесное поле, полное самой разной живности. Увлеченный

насекомыми, я просто даже забыл упомянуть, что помимо них, диких кошек и змей, здесь большое разнообразие пернатых, начиная от хищных птиц, и заканчивая зимородками и щурками.

Казалось бы, чего еще хотеть? Правильно, нечего...да я и не хотел! Так надо же было местным упырям начать вырубать деревья и полностью снимать верхний слой почвы именно на этом поле и именно в том году, когда сюда приехал я! Оказывается, кому-то приспичило построить здесь не то дом, не то больницу и, конечно же, другого места не нашлось! В итоге сегодня наблюдал со своего балкона, как трактор увечит все то, с чем я еще только начал знакомство.



В такие минуты меня утешает лишь то, что Земля не долго будет нас терпеть. Жалкие потуги уже наворовавшейся, и оттого сытой Европы остановить глобальное потепление захлебнутся в стремлении всех остальных набить свою утробу поплотнее, и тогда все для нас закончится. Человек либо исчезнет вовсе, как исчезли тысячи других биологических видов, или же популяция его сократится настолько, что вред от ее жизнедеятельности будет

сведен к минимуму. И тогда Земля оживет. По-крайней мере, я на это надеюсь.

День двадцать первый.

Не зря фотографов частенько приравнивают к старьевщикам. Правда, в основном тут имеются в виду журналисты, но сегодня я ним, можно сказать, примкнул.

На протяжении нескольких часов я сновал вокруг выкорчевывавшего дерева экскаватора, словно гриф вокруг обедающего прайда, и высматривал насекомых и сцены, которых мог бы никогда не увидеть при иных обстоятельствах.

Первыми на ветвях одного из поваленных деревьев я заметил хорошо мне знакомых светло-коричневых муравьев - портных. Дело в том, что они обитали на балконе арендованной мной квартиры еще задолго до моего приезда, куда проникали с дерева манго, ветви которого соприкасались с балконом.

До поры до времени они не доставляли никаких неудобств, однако когда мы обнаружили, что они всерьез собрались колонизировать балкон и вскоре начали бы проникать в комнату, пришлось прибегнуть к помощи наших многоопытных хозяев, которые сначала обломали ближайшие ветви дерева, а затем обсыпали специальным порошком перила балкона.

С тех пор проблем с муравьями (по-крайней мере с этими) не было, но встречаются они здесь повсеместно, а потому я был не сильно удивлен, когда обнаружил их на ветвях выкорчеванного дерева. Любопытным было другое: между ними и крупнейшими из виденных мною черными муравьями (до 2-х сантиметров в длину) как раз разгорелась нешуточная битва. Коричневые брали числом и самоотверженностью, черные – физическим превосходством.

На моих глазах восемь коричневых муравьев буквально растянули черного гиганта, не давая ему даже шелохнуться. Поблизости другая троица проделывала тоже самое с черным муравьем поменьше, но валявшиеся то тут,

то там разорванные пополам трупы портных красноречиво указывали на то, что победа далась им недаром.

Ближе к 11 утра я заметил едва уловимое движение на буро-коричневой почве. Присмотрелся – ничего. Подумал, уж не померещилось ли, как вдруг движение повторилось, и прямо в мою сторону направился богомол, окраска которого делала его одинаково незаметным как на грунте, так и на стволе поваленного дерева, вдоль которого он теперь дефилировал.



Вскарабкавшись на зеленый лист, он замер на мгновение, словно специально позволяя разглядеть себя во всей красе,



после чего снова спрыгнул вниз и словно растворился. Сколько я ни вглядывался – ни следа.

Но огорчение от краткости знакомства было не долгим: вскоре мне встретился еще один богомол, оказавшийся самым общительным из всех встречавшихся ранее.

Ярко-зеленый, он растерянно скакал по чуждой ему почве, выискивая себе новое обиталище, и не слишком испугался, когда я подхватил его и отнес на ближайший кустик.



Здесь он довольно долго приводил себя в порядок, начищая лапки и усики, и при этом так задумчиво поглядывал на меня, что роденовский «Мыслитель», случись он поблизости, выглядел бы крайне невыразительно.

Помимо упомянутых героев мне повстречалась пара прямо-таки гигантских кузнечиков древесного, серо-коричневого цвета. В длину они были сантиметров по 13-14, да и худыми их не назовешь: когда один из них с перепугу приземлился прямо у меня на груди, я вполне отчетливо ощутил его вес. Не буду утверждать, будто я покачнулся под свалившейся на меня тяжестью, но могу точно сказать, что это крупнейшие из виденных мной насекомых. Впрочем, размер был их единственной отличительной чертой, а в остальном – кузнечики как кузнечики.

Скакала вокруг и масса другой живности, но постоянно работавший экскаватор да трудно проходимые завалы, кишящие муравьями, мешали к ней подобраться.

Впрочем, урожай и так оказался не плох. Жаль только, что достался он такой ценой, и если какие-то насекомые здесь все же останутся, то змеи и дикие коты теперь вряд ли повстречаются.

День двадцать второй.

Оказывается, если в овсянку бухнуть пару чайных ложечек настоящего ананасового джема, она обретает совершенно иной вкус. Скажу больше: она даже может понравиться.

Окрыленный этим замечательным открытием, авторство которого, разумеется, принадлежит моей жене, утро провел на пляже, а во второй половине дня пошел в поле... в его остатки.

К своему огромному облегчению обнаружил, что кустик, на котором я повстречал «леопарда», и на котором обитает еще пара богомоллов (в том числе коричневый «сигнальщик» и тот, что любит подразнить муравьев), остался жив.

Как уцелел и тот, где постоянно кормится масса ос. О нем я раньше не упоминал по той простой причине, что пока что ничего интересного на нем не снял: потому ли, что свет туда приходит лишь во второй половине дня, или потому, что осы ведут себя словно безумные, не останавливаясь ни на секунду, сказать трудно, да это и не важно. Важно то, что он уцелел, и как раз сегодня меня ждала на нем первая удача – изящная черно-белая бабочка, помимо скромной красоты отличающаяся изрядной неспешностью и ангельской терпимостью по отношению к восторженным зрителям.



А вечером дома меня ждало удивительное открытие. Обнаружился «ночной вредитель», следы жизнедеятельности коего мы обнаруживали почти каждое утро на балконе. Думали: птичка какая повадилась, что ли? А оказалось, что это наш Гекко усир...усердствует.

Жена застукала его на балконе, когда он сосредоточенно исследовал сливное отверстие. Может, присматривал себе укромное местечко для туалета, смущенный нашими разговорами «о той заразе, что гадит по ночам»? Поживем – увидим.



Сидя у сливного отверстия, «ночной вредитель» зачарованно исследует его мрачные глубины. Прямо Одиссей у пещеры Циклопа

День двадцать третий.

С утра отправился на поиски новых «охотничьих угодий», к чему сподвигла частичная утрата предыдущего. Спустился в небольшую низину, которая издавна казалась настоящими джунглями, да ими в принципе и оказалась. Только джунгли, как выяснилось, это не то, что нужно фотографу. Слишком густая растительность вынуждает изменять маршрут, она же создает густую тень, которая рассеивается лишь во второй половине дня, и самое главное – кругом вода. Не слишком большая радость для счастливого обладателя кроссовок.

В общем, побродил немного, немного промочил ноги и решил попытать счастья в местах посуше, поближе к жилищам. Нашел здесь пару полянок, но

изобилуют они разве что кузнечиками, да ставшими привычными здесь стрекозами, наподобие наших стрелок.



Разве что с бабочкой на обратном пути повезло.



Завтра двинемся с Галей вдоль побережья. Один почтенного возраста, но не слишком почтенного поведения грек, приезжающий в Индию на зиму для того, чтобы упражняться здесь в английском языке (это так теперь называется?), рассказал ей о пляже, именуемом Капил и расположенном в 9 км от нас. Говорит, что место классное, и нет местных жителей, которые плятятся (отнюдь не осуждающе) на туристов в купальниках.

Что ж, посмотрим, может, и я найду по дороге что-нибудь стоящее.

День двадцать четвертый.

Прогулка по побережью удалась на славу – еле дотащились до дома, но увидели и местную «рыболовлю» (весьма шумное мероприятия), и массу птиц (коршуны нескольких видов, цапли, что-то вроде бакланов и пр.), и, конечно же, новых насекомых.

А начиналось все не так весело. Вышли поздновато и отправились в первую очередь поменять купленный мной вчера (8-го декабря) хлеб. Оказалось, что он должен был быть употреблен до 7 декабря, о чем мы и сообщили нашему продавцу – пожилому, сумрачному мужику, самому необщительному из всех, кого мы встретили в Индии.

Он поворчал что-то, но хлеб все же поменял...на тот, который должен был быть использован до 8 декабря. Когда я обратил его внимание на то, что сегодня уже 9-ое, он начал говорить, будто это дата изготовления, после которой у нас есть трое суток на его поедание, и никак не хотел понимать, что «used by date» означает совершенно иное. Короче, оставили ему его хлеб и пошли дальше.

Прошли всю цивилизованную (то бишь заполненную кафе, магазинами и гостиницами) часть побережья, миновали Black beach – крохотный пляж, зовущийся так за цвет вулканического песка, намываемого морем в сезон дождей – и обнаружили, что тут мощеная дорога заканчивается.



Мы вступили в область рыбацких деревушек, где в это время как раз вытягивали сети, над которыми кружили вороны, коршуны и цапли. Удивительное дело, но я походя, не ставя перед собой каких-то серьезных задач, вооруженный исключительно 105-мм макрообъективом, сумел сделать несколько относительно удачных кадров этих хищников. Дома мне это не удавалось даже во время специальных экскурсий за город с 400-мм телевиком.

С постоянными остановками мы шли часа 3, и хотя вокруг было очень оживленно, меня не покидали сожаления по поводу моего изувеченного поля, ведь как я не присматривался, альтернативы ему видно не было. И вот, когда я совсем уж было загрустил, перед нами открылся замечательный вид на побережье и виднеющийся вдалеке Капил.



Рыбаки в это время как раз выгружали улов, за чем пристально наблюдали самые разные птицы.



Миновав их, мы наконец-то приблизились к конечной цели нашего путешествия.



30-метровая полоса берега, покрытая цветами, пальмами, низким кустарником, да какими-то хвойными деревьями отделяет морские воды от одного из каналов, сеть которых пронизала буквально все южное побережье Кералы. Эти каналы называют здесь Backwater, и при желании по ним можно добраться хоть до того же Кочина – а это 4 часа поездом.

Именно здесь я и заметил роскошную осу, которая яростно рыла песчаную почву.



Вскоре выяснилось, что тут их целая колония, и некоторые уже тащили к своим норам парализованных акрид.

Побродив по прибрежному кустарнику, я наткнулся на нежно-зеленую, скорее даже салатного цвета цикаду, что грелась на солнце.



А затем обнаружилась масса всякой другой живности, включая мангуста, выскочившего из зарослей прямо на Галю, перемещавшуюся следом за тенью от одинокой пальмы. Стало ясно: мы открыли новый Клондайк.

Вернувшись вечером домой, обнаружил, что Гекко нашел себе подружку, с которой и развлекался за спинкой нашей кровати. Впрочем, возможно их привлекли крохотные рыжие муравьи, проложившие тропинку на стене.

День двадцать пятый.

А теперь сенсация: Гекко – kleптоман! Ему стало мало тырить резиночки, так он еще под покровом ночи попытался умыкнуть губку для мытья посуды. Правда, не осилил, и бросил ее под плитой. Может, он хотел оборудовать свою опочивальню мягкой мебелью, дабы с большей приятностью проводить время с новой подружкой?

Во второй половине дня без большого энтузиазма выбрался в поле, и вскоре услышал, как что-то зашуршало за спиной. Оглянувшись, не поверил своим глазам: по голой коричневой земле, там, где еще недавно была густая трава, отливая золотом мчалась роскошная 80-сантиметровая змея.

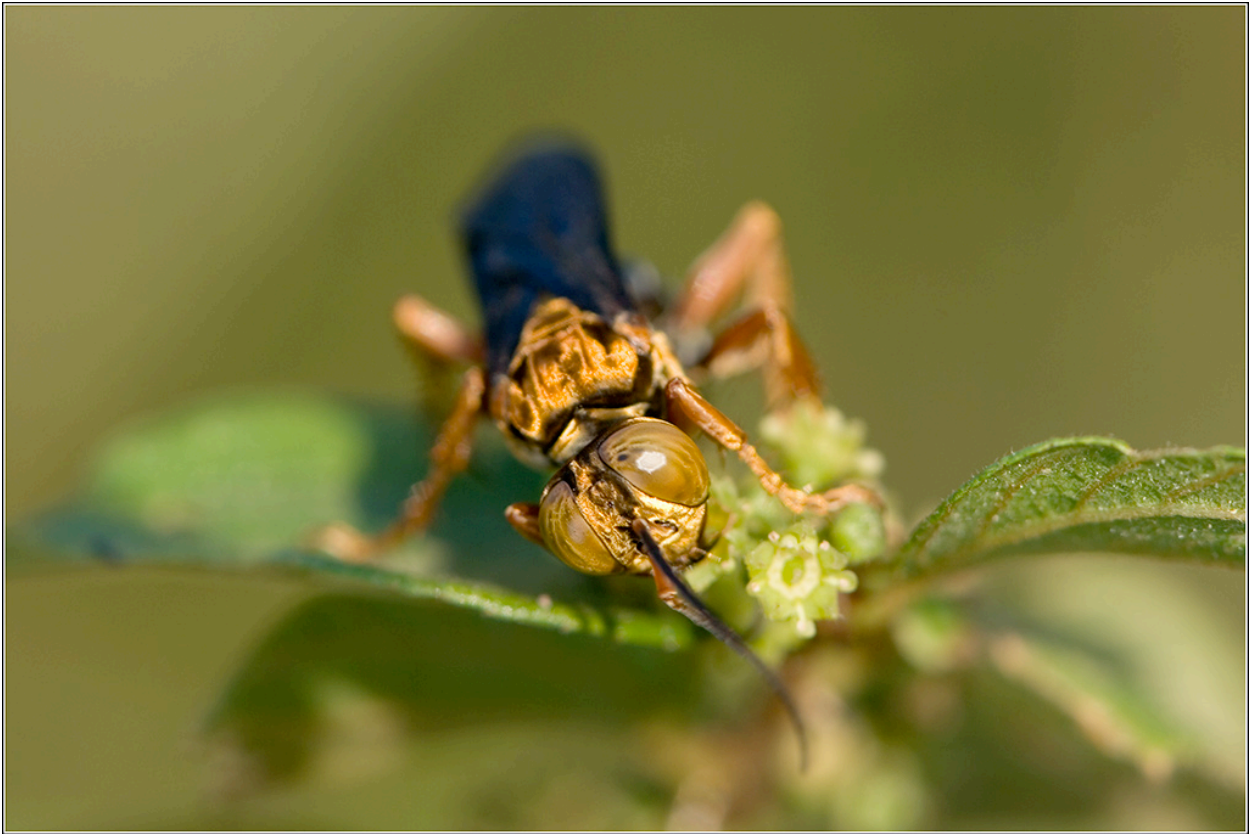
Говоря «мчалась», я отнюдь не преувеличиваю: никогда бы не подумал, что они способны перемещаться с такой скоростью. Достаточно сказать, что когда змея добралась до участка, покрытого растительностью и расположенного несколько ниже, она не сползла вниз по склону, а буквально пролетела сантиметров 30 по воздуху, прежде чем коснуться травы. Это было действительно удивительное зрелище, и мне подумалось, что я вряд ли смогу потаскать такую за хвост, как делал это с нашими гадюками и ужами.

В остальном же оправдывались самые худшие ожидания – бывшего буйства жизни не наблюдалось. Пришлось пойти к тому кусту, вокруг которого постоянно снуют неугомонные осы и пчелы, и где я в последний раз так удачно поснимал черно-белую бабочку. Тут-то меня и дожидался очередной богомол.



Поначалу я даже усомнился, богомол ли это вообще. Чуть больше 1 см в длину, он был настолько мал, но в тоже время шустр, что разглядеть его толком долгое время не удавалось. И все-таки это оказался он, и то был уже 7-й (!) вид, обнаруженный мной на этом поле.

Кроме того, попало какое-то красивое перепончатокрылое с яркосиними крыльями. Сами крылья, правда, запечатлеть не удалось – уж больно неусидчивое насекомое.



День двадцать шестой.

Сегодня состоялся второй поход по побережью. Стартовал он несравненно раньше предыдущего, в результате чего удалось избежать длительных остановок, связанных с лицезрением рыбацких трудов и прочих интересностей. Зато возникла заминка, вызванная бабочкой-толстоголовкой, уснувшей прямо на дороге. Пересаженная на цветок (чему она совершенно не сопротивлялась), она и там продолжала мирно дремать, не обращая ни малейшего внимания на происходящее вокруг.



Следующей находкой оказалось какое-то монстрообразное ракообразное, лежавшее в полосе прибоя и тоже не обращавшее ни малейшего внимания на происходящее вокруг, но по другой причине: как выяснилось при ближайшем рассмотрении, оно было мертво, что не мешало ему производить очень

сильное впечатление той мощью, которую обычно излучают лишь танки да самоходные установки.



И это ощущение лишь усилилось при ближайшем рассмотрении.



Добравшись-таки до нужного места, я к своему ужасу не обнаружил и следа бывшего осинового оживления. Одна-две осы пролетели мимо, но никто не рыл нор и уж тем более не тащил в них акрид-паралитиков.

Пришлось вносить коррективы в съемочные планы, и остаток дня оказался посвящен другим «озерным» насекомым, среди которых доминировали акриды-непаралитики.

Насекомое это не назовешь редким, и именно поэтому я до сих пор не уделял ему достаточно времени, считая, что это, как говорят в таких случаях, «всегда успеется». Между тем, выглядят акриды не менее (а скорее даже более) забавно и обаятельно, нежели другие прямокрылые, а потому я с удовольствием принялся восполнять этот пробел.



Обращают на себя внимание узоры на голове и теле акриды, полностью повторяющие рисунок листа, на котором она «загорает»

Вскоре легкое головокружение (следствие длительного нахождения на солнцепеке) и супруга (следствие заключенного ранее брака) напомнили о необходимости освежиться, для чего мы все втроем переместились к пляжу. Но расслабиться нам было еще не суждено, ибо буквально в метре от берега плескалась черепаха длиной в три сандалии сорокового размера.

С воплями и гиканьем мы с моим головокружением метнулись в воду, где с немалым огорчением обнаружили, что море вновь одарило нас трупом. Внешне он не имел никаких повреждений, и все же черепаха была мертва. Беда с ней случилась недавно, поскольку отсутствовали у нее пока лишь глаза, но радость от находки была подпорчена изрядно.

К счастью, это был последний труп дня, а потому более не откладывая мы все-таки погрузились в море настолько теплое, что после него даже казавшийся доселе горячим воздух показался прохладным.

Впрочем, вскоре атмосфера снова стала накаляться. Прямо рядом с нами пристроился молодой, лет 25-ти, индеец, который пялился на нас (а точнее на Галю) целый час. В итоге Галя попросту ушла в воду, дабы лишиться его вожделенного зрелища, а я стал пялиться на него, не давая поднять глаз. Дурацкое занятие, но что делать, если вера и традиции не позволяют местным женщинам одевать купальники, а мысли о женском теле не дают покоя некоторым местным мужчинам.

На обратном пути не поленился еще раз увековечить Капил – на этот раз в лучах заходящего солнца. Здесь значительно лучше виден Backwater – полоса воды, отделенная от моря косой с пальмами.



Ну, и местная мечеть – небольшая, но очень симпатичная.



По дороге заглянули в первое же кафе – до второго могли попросту не дотянуть. Здесь нам налили по стаканчику содовой с лимоном, причем в моем стакане пытался утопиться какой-то маленький жучок, а в Галином бодро плескалась ворсинка. Я уж подумал, что «сюда мы больше ни ногой», когда принесли чудесно приготовленную рыбу по вполне сносной цене, в связи с чем появилось желание посетить сие заведение повторно.

До дома добирались уже впотьмах, а добравшись с трудом залезли в душ, после чего без чувств рухнули в койку.

День двадцать седьмой.

Как же я ненавижу хозяйскую собаку! Это исчадие ада по ночам гавкает на все, что ходит и ездит за забором, а с учетом того, что вдоль него проходит главная местная улица, выспаться становится просто невозможно. В итоге встали поутру с чугунными головами и решили вообще никуда не ходить. Сей план воплотили в жизнь без каких-либо существенных отклонений, но Индия тем и хороша, что открытия тут можно совершать даже во время похода на ужин.

Мы как раз выбирали место, которое могли бы осчастливить своим присутствием, когда заметили на прилавке одного из ресторанов «монстрообразное ракообразное», встреченное нами накануне во время прогулки по побережью. Наше пристальное внимание к морскому чудищу сделало нас самих объектом еще более пристального внимания тамошнего зазывалы, который и сообщил нам, что ЛОБСТЕР очень свежий. Мы поблагодарили его за ценные сведения и отправились ужинать в другой ресторан.

День двадцать восьмой.

Ближе к обеду позвонила Мария (та самая, что помогала нам найти жилье) и рассказала, что по побережью прокатилась волна краж («волна краж по побережью» - экий каламбур!). За одну ночь обнесли три квартиры, занятые туристами. Самое неприятное заключается в том, что вынесли непосредственно фототехнику и именно за ней, похоже, и охотились. Придется повысить бдительность.

На фоне этих невеселых событий вечером в поле меня ждал прямо-таки подарок.

Помнится, я уже упоминал о богомоле-весельчаке, что издевался над муравьями, пытавшимися увести у него из-под носа добычу. Так вот следует уточнить, что то была самка. Позднее мне доводилось видеть ее с кавалером – мелким шибздиком, тщетно пытавшимся произвести на нее впечатление – и вот теперь этот неудачник сидел на одном из листьев моего любимого куста и как-будто бы безо всякого дела.

Вдруг что-то привлекло его внимание: он повернул голову и сделал стойку словно фокстерьер, учуявший лису в норе. Замер.



Вся его поза была предельно напряжена, но, проследив за его взглядом, я не увидел ничего, что могло бы привлечь внимание хищника: ни мухи, ни бабочки, ни даже неприступной подружки. И все же было ясно – что-то всерьез его заинтересовало. Присмотревшись внимательней, я с удивлением заметил...«сигнальщика»!

Неужели именно он заинтересовал охотника? Неужели богомол собирается атаковать своего сородича?

Да, каннибализм свойственен представителям этого семейства, но в основном это проявляется в юном, несознательном, так сказать, возрасте, да еще при спаривании. Опять же, более крупный богомол вряд ли откажется отобедать более мелким и, соответственно, заведомо более слабым – тут у богомолов все как у людей. Но вот чтобы вполне сопоставимые богомолы разных видов рисковали охотиться друг на друга...

И все же это случилось. Охотник медленно, не отводя взгляда, приближался к добыче, которая вопреки обыкновению не висела вниз головой под листом, а грелась на его поверхности. Зеленый богомол был уже близок к цели и замер в тени, оценивая диспозицию перед атакой,



после чего совершил роковой бросок...роковой для него самого.

Вроде бы ничего не замечавшая до тех пор «жертва» с легкостью перехватила метнувшуюся к ней зазубренную лапу агрессора, зажав ее в стальном капкане собственной клешни. Другой лапой «сигнальщик» запрокинул голову врага и, избежав тем самым его челюстей, сам вонзился в его грудь.



Нанеся смертельную рану и продолжая удерживать лапу еще сопротивлявшегося противника в своей, другой могучей клешней он обхватил его за «талию» и, словно вальсируя, привычно потащил под лист.

Несколько укусов – и еще некогда грозный охотник превратился в жалкую грудку мяса, судорожно подергивавшую конечностями.



Подавив всякое сопротивление, коричневый богомол привычно повис вниз головой и принялся наслаждаться плодами заслуженной победы.



Заслуженной вдвойне, поскольку он не просто одолел ничуть не уступавшего ему в силе врага, но и очевидно перехитрил его, отдав инициативу.

Это вообще удивительно для богомола – типичного засадника – основной прием охоты которого заключается в том, чтобы следить за своей добычей, оставаясь для нее невидимым. Здесь же он был все время на виду, осознавал это и, более того, использовал самого себя в качестве наживки. Неужели это одна из стратегий «сигнальщика»?

Вполне возможно, ведь при каждой встрече с ним я ловил себя на мысли, какой же он маленький и симпатичный. Заметив добычу, прижимает голову к груди, а длинные лапы – к телу, словно старается казаться еще меньше. Причем делает это настолько успешно, что поначалу я не мог поверить в его победу – мне-то казалось, что он значительно уступает своему оппоненту в размере. Может в этом и заключается главная хитрость «сигнальщика»?

Или я все же преувеличиваю, и на самом деле он видел в своем противнике лишь обычную добычу, даже не рассматривая его как потенциальную угрозу и не догадываясь, что сам является объектом охоты?

Пока у меня нет ответа на эти вопросы, и лишь дальнейшие наблюдения смогут внести в них ясность.

День тридцать первый.

Большая удача: мне снова повстречался индийский цветочный богомол (он же «леопард»), и на этот раз он позволил запечатлеть себя достойно.



Вот только поза его показалась мне до боли знакомой: точно также сидел и задумчиво жевал усы тот зеленый богомол, которого я встретил в 21-й день своего пребывания в здешних краях – в тот самый день, когда экскаватор калечил мое поле. Тот, правда, не летал (богомол, не экскаватор...хотя экскаватор тоже не летал), а этот – очень даже хорошо, что и продемонстрировал напоследок. Но быть может, это самец и самка одного и того же вида? Или же взрослое насекомое и личинка? Сходство во внешности очень велико, а потому нельзя исключать, что это действительно представители одного вида. Надо будет с этим разобраться.

День тридцать второй.

Рецепт: берешь пароту (самый слоеный и вкусный из местных «лавашей») и намазываешь ее ананасовым джемом – тем самым, что делает овсянку удобоваримой. Заворачиваешь и получаешь замечательный блинчик, некоторое число которых служит прекрасным завтраком.

Если же сладкого не хочется, то можно проделать с паротой все тоже самое, только джем заменить арахисовым маслом, впервые купленным мной исключительно по ошибке вместо ореховой пасты. Поначалу эта ошибка сильно огорчила (хотелось то сладкой пасты), но потом оказалось, что «блинчики» с этим маслом получаются замечательные – и не сладкие, и очень сытные.

Набив утробу упомянутым выше арахисовым маслом, вечером пришел к выводу, что все-таки это были не имаго и личинка, а самец и самка. По крайней мере сегодня вечером в поле я повстречал одного из них (предположительно самку), стерегущим свою кладку, причем оотека уже имела пару отверстий, а рядом бегали крохотные богомольчики.



Процесс вроде бы был в самом разгаре, но в тоже время ничего примечательного не происходило...пока я не обнаружил себя облепленным портными! Был бы я был разорившимся английским лордом, меня бы не слишком удивило обилие портных, вцепившихся в лацканы пошитого в

кредит пиджака. Но даже самый почтенный джентльмен не смог бы сохранить присущее ему хладнокровие, вцепись в его шею портной из мира насекомых.

Оказалось, что увлеченный своими наблюдениями, я и не заметил как вторгся на их территорию, и теперь был вынужден поспешно ретироваться, дабы стряхнуть с себя наиболее агрессивных типов, то есть всех. И вот когда я уже собирался избавиться от последнего муравья, свирепо терзавшего одно из волокон моей футболки, словно бес на ухо шепнул: «Подсади его к богомолихе – посмотрим, что получится?».

Мысль эта сразу же показалась неудачной. Подумалось: зачем издеваться над многодетной матерью? Незачем...и в тоже время любопытно...

Короче говоря, не стал я подсаживать портного к богомолихе. Но и не отпустил его восвояси. Вместо этого я сделал нечто среднее, попросту швырнув муравья в сторону самки приблизительно с пары метров.

Думаю, никому из тех, кто когда-либо прочтет эти строки, не удастся повторить этого уникального достижения. Скажу больше: можно хоть сейчас устроить мировой чемпионат по броскам взбешенными муравьями в сторожащих оотеку богомолих, но победителя не будет, ибо шансов попасть практически нет. А я попал. С первой попытки. По закону подлости. И так бывает всегда, когда делаешь что-то неправильное да и то только потому, что заведомо уверен в неудаче.

Пролетев два метра, муравей приземлился аккурат под брюхом самки, в которое – в силу склочности своего характера – тут же и вцепился. Ошалевшая от боли и неожиданности, она попыталась схватить агрессора передними лапами, попятилась назад и...рухнула в траву.

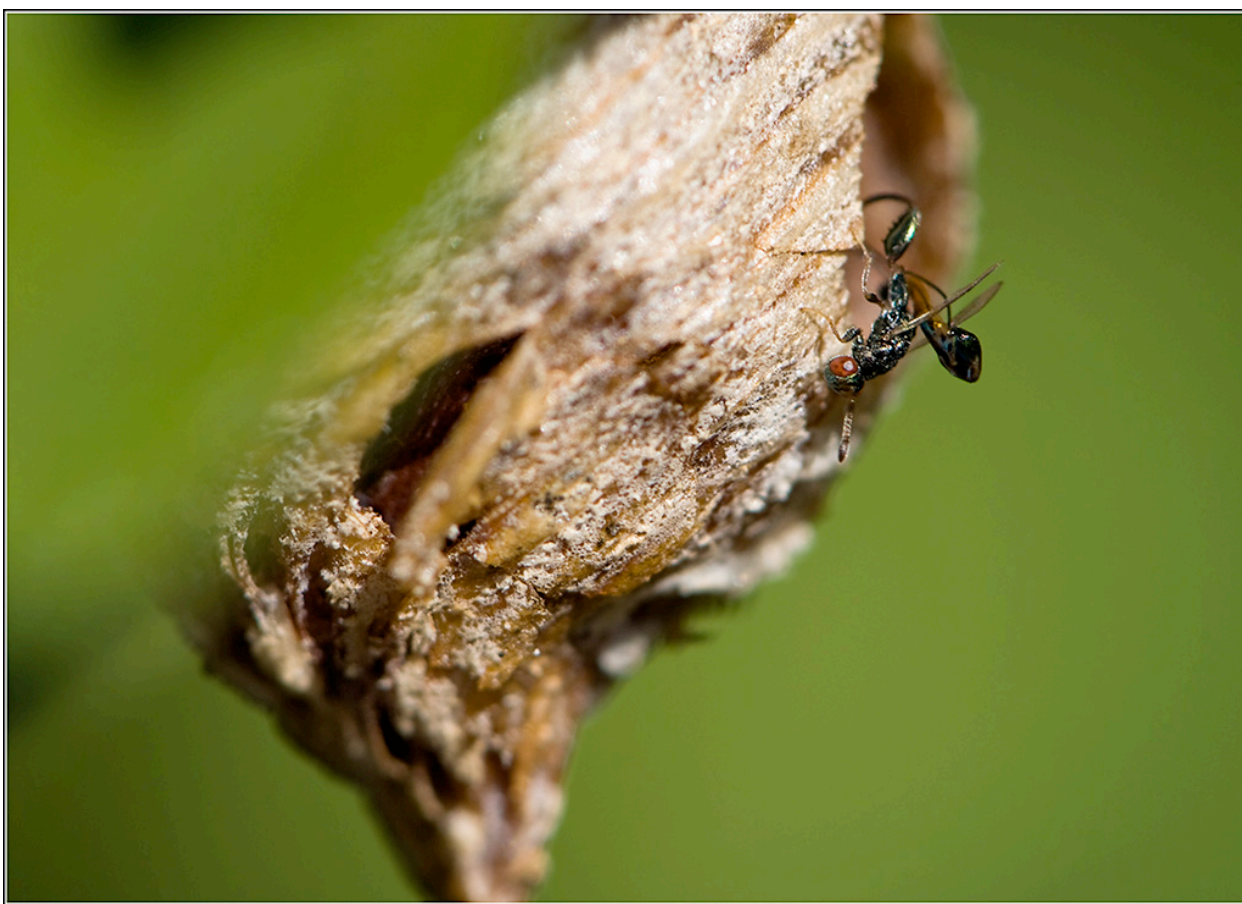
Наверное излишне говорить, что в этот день съемка была закончена.

День тридцать третий.

С утра отправился провести свою вчерашнюю «мишень». Вернется ли она на свой сторожевой пост? Найдет ли дорогу? Много вопросов, и к счастью для меня ответ на все оказался положительным.

Первые лучи солнца еще едва касались ветвей, а самка уже была на месте: сидит, озирается, высматривает врагов, летающих муравьев всяких...

Казалось бы, все в порядке, но тут выяснилось, что радость была преждевременной: прямо под носом у вроде бы бдительного стража какой-то крохотный паразит из числа наездников откладывал своих личинок в оотеку.



Похоже, самка даже не воспринимала его в качестве источника опасности, а напрасно – теперь нет никакой уверенности, что его личинки, развивающиеся гораздо быстрее личинок богомола, не уничтожат их еще до рождения...если они там, конечно, еще остались. Ведь я своими глазами видел «молодняк» накануне, и в принципе оотека

должна быть уже пуста...но зачем тогда ее сторожит самка? Как же все запутано!

День тридцать четвертый.

Давненько не был я на пляже, а зря. Здесь уже второй день лежит выброшенный на берег кит. Точнее его фрагмент, финальная, так сказать, часть. Переднюю то ли уже обглодали, то ли унесло в море, но и четырехметровые остатки впечатляют размерами.

Мухсим (пляжный полицейский) сказал, что вдоль по побережью выбросилась еще пара китов. Почему – неизвестно, но в любом случае печально: куда приятнее было бы увидеть их живыми.

День тридцать шестой.

Вчера ходил на дальний пляж поохотиться на ос, и как всегда после этих походов еле дополз до дома, так что пишу об этом уже на следующий день.

Добравшись до места без особых приключений, наснимал разных акрид, причем особенно порадовала одна зеленая, а вернее – ее размеры, за точность которых могу поручиться головой – 9 см. Сия уверенность зиждется на том, что длина акриды полностью совпала с длиной одного из пальцев на моей правой руке. Думаю, совпала бы она и с длиной аналогичного пальца на руке левой, но испытывать терпение насекомого повторными замерами не стал, дабы оно в приступе раздражения не сделало длину теоретически одинаковых пальцев разной практически. В дальнейшем тщательные измерения показали, что длина обозначенного выше пальца правой руки составляет ровно 9 см. И хотя я не большой любитель крупноплановых портретов, в данном случае пришлось подчиниться обстоятельствам и сделать исключение.



Попадались особи и поскромнее, но от того не менее фотогеничные.



А вот с осами, увы, полный облом. Куда они все подевались, ума не приложу. В тот день, когда я увидел их впервые, тут была целая стройплощадка: несколько штук копали норы, другие тащили акрид. И где это все теперь? Неужто сезон закончился? Может и так, но все-таки странно: все земля испещрена норами самых различных диаметров – и ни одного норкопателя.

Постараюсь не падать духом, но, похоже, у меня с ними получится примерно как у этой пальмы с луной: вроде и близко, да не дотянешься.



Да и шут с ними! Зато как приятно возвращаться домой по освещенному угасающими лучами вечернего солнца побережью.



День тридцать седьмой.

Вечером отправились в прибрежное кафе АВВА, где по сносной цене предлагают беспроводной интернет. Минут 10 не могли подключиться, чем вызвали немалое удивление официантов.

Потом выяснилось, что они дали нам не тот пароль. Дали новый – результат тот же. Они опять удивились – дескать, остальные то, вон, пользуются. Оказалось, что опять перепутали пароль.

Это повторилось еще несколько раз, но в конечном итоге чудо свершилось и пароль каким-то образом оказался угадан – видимо, попросту кончились возможные комбинации. В итоге с трудом, но Галя успела проверить свою почту, а я – попросить помощи у Макроклуба в определении своих богомолков. Завтра пойдем опять. Даже интересно, как там у них с паролем будет?

День тридцать восьмой.

Вопреки наихудшим ожиданиям, к сети смогли подключиться сразу, причем вообще безо всякого пароля. Зато обед нам несли почти час и за это время удалось сфотографировать отчего-то побагровевшего ящера. Гормоны у него, что ль, играют?



Макроклуб тоже порадовал: помогли определиться с коричневым богомолем, которого я прозвал «сигнальщиком» за его страсть к жестикуляции. Оказалось, что на самом деле он зовется *India unicorn boxer mantis* log – подходящее имечко для существа чуть больше сантиметра длиной. Хорошо хоть есть в нем слово боксер – оно ему действительно подходит, потому как его привычку периодически размахивать конечностями вполне можно истолковать и как боксирование. Так что теперь в команде богомоллов замена: вместо «сигнальщика» в игру вступает «боксер»...правда состав команды при этом ничуть не изменился.

День тридцать девятый.

В конец запутался с цветочными богомолами. Только начал было в них разбираться (дескать, тут – мальчики, тут – девочки), как на тебе – обнаруживаю над оотекой того, кого до сих пор считал самцом! Ну, где это видано, чтобы самец богомола охранял кладку, подменяя самку?

Насколько мне помнится, богомолы в первую очередь славятся тем, что самки бывают не прочь закусить самцами сразу после, а порой и непосредственно во время спаривания. Именно поэтому самцы в этот ответственный момент становятся особенно осторожны, а выполнив свою миссию мчатся прочь сломя голову, дабы не лишиться ее вовсе. Собственно, этим общение представителей разных полов и ограничивается. По-крайней мере, так считалось, а теперь я вижу, как сначала несколько дней к ряду кладку стережет самка, а сегодня – самец...или наоборот, но сути это не меняет.

Возможно, стереотип поведения, прославивший самок обыкновенного богомола на весь мир, в общественном мнении ошибочно распространился и на остальных богомоллов. На деле же самцы и самки некоторых видов – и в том числе индийского цветочного – не только не пожирают друг друга, но и совместными усилиями охраняют потомство.

Правда, сиделка из самца оказалась еще хуже, чем из самки. Та, конечно, позволяла хозяйничать в оотеке наездникам, но хоть не отвлекалась на посторонние дела. Самец же вообще весьма формально выполняет функции сторожа, куда больше заботясь о хлебе насущном.

Заметив муху (читай, «хлеб насущный»), севшую на лист неподалеку от него, он, до того пребывавший словно в летаргическом сне, встрепенулся и двинулся в ее сторону.



...он оглянулся посмотреть не оглянулась ли она...

Муха поднялась в воздух и, пролетев над его головой, села с другой стороны.

Забыв об оотеке, богомол развернулся и двинулся следом за ней.



В какой-то момент он оказался очень близок к своей цели,



но муха будто знала, сколько опасностей ее подстерегает. Она не засиживалась на одном месте долго и постоянно перелетала, не позволяя хищнику выйти на «ударную позицию». И все могло бы кончиться для нее благополучно, если бы во время очередного маневра она не выбрала крайне неудачного места для посадки – прямо перед носом охотника.

Молниеносное движение лап – и стальной капкан захлопнулся, не оставляя жертве ни малейших шансов на спасение.



Всего пара укусов – и головы как не бывало.



А дальше – пиршество гурмана, со смакованием ножек и крылышек.



Лишь завершив трапезу, горе-родитель вернулся к вверенному его заботам потомству, при этом даже не удосужившись проверить состояние оотеки. Впрочем, ничего страшного за это время не произошло. Разве что наездники продолжают своевольничать, но на них богомолы в любом случае не обращают никакого внимания. Не знаю поэтому ли, или потому, что все уже «вылупились» раньше, но и в этот раз, как и в предыдущий, мне не удалось увидеть ни одного их малыша.

День сороковой.

Ранее мной уже упоминалось о чудодейственной влиянии ананасового джема на овсянку. Так вот если туда же добавить и сам ананас, порезанный на небольшие дольки, то вкус становится еще интереснее.

А вот очередной поход по побережью до самого Капила был не столь интересен как обычно. Разве что самое утро, когда мне впервые довелось увидеть дельфинов.

Поначалу они плавали в 200-300 метрах от берега, периодически показываясь на поверхности, а затем и вовсе приблизились метров до ста. А потом ушли.

Ветер в тот день был прямо-таки штормовой. Волны обрушивались на берег от всей души и то, что для туристов было просто забавой, для рыбаков стало проблемой: выйти в море в этот день оказалось по-настоящему не просто.



Тот же бешеный ветер стал причиной крайне жалкого улова насекомых. К относительным удачам можно отнести разве что этого яркого жука, в большом количестве набросившегося на цветы, украшающие берег Капила.



С горя решил пофотографировать хотя бы кузнечиков, так и те вдруг решили проявить невиданное доселе коварство. Один из них, решив, что представляет для меня гастрономический интерес, удирал до тех пор, пока не оказался на листе кактуса. Тут он остановился и, ехидно оглядываясь через «плечо», стал терпеливо дожидаться моего приближения, словно приглашая: «Давай, хватай меня!». И готов поклясться, что его скрытые за иглой кактуса жвала кривились в злобной усмешке, а черная душонка – ликовала.



Дальше я по мосту переправился на другой берег озера, дабы исследовать и его. Увы, но исследовать оказалось нечего. Зато обнаружил главный храм этого района – остается лишь узнать, как он называется. Храм, в смысле. Да и район тоже...



Капит сегодня казался даже пустынное обычного

Собственно, этим мои успехи и ограничились. Похоже, стоит поискать новых мест для вдохновения.

День сорок первый.

Побродив с утра по полю и не найдя ничего интересного (не считая мангустов, целое семейство которых шныряло в траве под ногами), привычным путем направился к оотеке цветочного богомола. А он сидит себе в сторонке да отдыхает в тенечке.

Стало ясно, что особых сюрпризов от него сегодня ждать не приходится. Тогда то я и решил посадить к нему на ветку боевого коричневого богомола. То, как он расправился с другим богомолем (о чем упоминалось ранее) внушало надежду, что и более крупному цветочному богомолу будет с ним не просто.

В-общем, пять минут спустя они же сидели друг напротив друга. Это было бы невозможно при других обстоятельствах, поскольку цветочный богомол

улетает прочь при малейшей опасности, но охрана оотеки вынуждала его оставаться на месте.

Казалось бы, схватка неминуема и преимущество в ней должно быть на стороне более крупного цветочного богомола. В длину он 4 см, и внешне кажется значительно массивнее своего соперника, однако с боксером тоже не все так просто. Впечатленный его способностью казаться меньше, нежели он есть на самом деле, я не поленился измерить и его. Оказалось всего полтора сантиметра. Однако, вытянувшись в «боевую стойку», он оказался уже 2,5 см. Ну, а уж если раздвинет свои страшные телескопические лапы, размер может увеличиться еще чуть ли вдвое.

Иными словами, соперники были вполне сопоставимы по силам и они, похоже, знали об этом. Вперив друг в друга пристальный взгляд, насекомые замерли. Боксер чуть нагнулся вперед, вытянувшись навстречу врагу, но выпада не сделал. Цветочный чуть попятился, но и только.

Это напоминало поединок двух мастеров айкидо: каждый как-будто знал, что любое наступательное движение повлечет гибель нападающего. И они выжидали. Качал ли ветер ветви, пролетали ли мимо мухи – богомолы оставались на своих позициях, ожидая от противника хоть малейшего движения...и не дожидаясь его.

Прошло около получаса и оказалось, что расстояние между насекомыми совсем чуть-чуть, но увеличилось. Теперь оно оказалось достаточно большим, чтобы боксер смог, заметив крупную бабочку, в относительной безопасности повернуться в ее сторону, подставив противнику свой бок. Бабочка улетела, а богомолы продолжали занимать свои позиции, потихоньку удаляясь друг от друга.

Стало ясно, что прославленный охотничий инстинкт богомолов, который боксер уже подтвердил в битве при Зеленом кусте, вовсе не слеп. Они не бросаются на все, что размерами похоже на пищу, но внимательно оценивают увиденное. На этот раз соперник представлял собой реальную угрозу – и противники предпочли остаться без обеда, сохранив при этом головы.

Пришлось нести боксера обратно на его куст – туда, где он был полноправным хозяином.

Вечером как обычно отправились на пляж, и я наконец-то сподобился запечатлеть расположенный по дороге к нему алтарь Кали, мимо которого мы ходим уже месяц. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.



День сорок третий.

Погода решила не останавливаться на достигнутом и продолжает удивлять. То был бешеный ветер, а теперь вот второй день к ряду пасмурно и дождь. Могло бы стать скучно, но на выручку пришло арахисовое масло, на поиски которого мы отправились по местным лавочкам.

По-аглицки сей продукт именуется peanut butter. Вот я и стал выпрашивать у воротил местной торговли, есть ли у них этот самый «пинат батер».

Для начала каждый из опрошенных считал необходимым выразить недоумение и переспросить: «Water?». Ведь в их произношении вода звучит именно как «ватер», что довольно-таки сходно с «батер». Этим отчасти и объяснялась причина возникшего недоразумения, но я не унимался, отказываясь от «ватера» и «пината» по отдельности.

Увлеченные моей беседой с продавцом, присутствовавшие тут же покупатели из числа местных жителей в силу какой-то труднопостижимой логики вспоминали, что «ватер» бывает еще и «минерал», а если ее поставить в холодильник, так даже «кул»! В итоге гордый продавец под одобрительные возгласы односельчан ставил передо мной «вэри кул ватер», твердо убежденный, что это и есть искомый продукт.

История со 100-процентной точностью повторилась в нескольких лавках, так что повеселились все от души. Жаль только, что масла мы так и не нашли.

День сорок четвертый.

Долгое время бытовало мнение, будто лапки гекконов устроены по принципу присосок, и лишь относительно недавно было доказано, что пальцы большинства из них снабжены расширенными пластинками, на которых поперечными рядами располагаются особые щеточки из микроскопических волосков. С помощью электронного микроскопа было подсчитано, что на одном только пальце европейского стенного геккона расположено свыше 200 миллионов таких щеточек, каждая из которых состоит из бесчисленного множества отдельных волосков. Благодаря этому лапки гекконов не «присасываются» к поверхностям, а цепляются за невидимые глазу мельчайшие неровности, обнаруживая их повсюду – даже на оконном стекле.

С таким «альпинистским оборудованием» их обладатели, будь они размером с человека, могли бы зарабатывать себе пропитание мытьем

окон в небоскребах, которых становится все больше и больше. Опять же, и человеку выгода: медицинская страховка не нужна, да и зарплату платить не надо. Зачем геккону деньги? Насыпал ему тарелку мух, и он счастлив. Но пока, увы, гекконы не соглашаются вырастать до человеческих размеров и наводить оконный блеск.

Впрочем, может оно и к лучшему: в конце концов, психика далеко не каждого человека выдержит вид гигантского ящера в каске, висящего у него за окном со щеткой и ведерком в когтистых лапах.

Однако, я отвлекся от этих самых когтистых лап. Чтобы опытным путем доказать, что они действительно устроены по иному принципу, нежели присоски, ученые посадили геккона на абсолютно гладкую наклонную поверхность, изготовленную по специальному заказу. И он сполз. Оказалось, что на идеально ровной поверхности геккон действительно удержаться не может, а значит его лапы и в самом деле не имеют ничего общего с присоской.

Вот такие непростые опыты ставит наука для установления истины. Сложные эксперименты, изготовление сверхгладких поверхностей по специальному заказу...а ведь можно было ограничиться Большим Синим Пластиковым Ведром. Конечно, для придания большей престижности исследованиям его тоже можно было бы изготовить по спецзаказу, но подошло бы и обычное - фабричного производства.

Именно при помощи этого нехитрого приспособления я произвел аналогичные эксперименты с участием своего «туалетного» геккона и добился тех же результатов. Дело было так.

Захожу я в нашу туалетную комнату, включаю вентилятор, который при этом издает весьма устрашающий звук, и понимаю, что кто-то уже устрасился. Свидетельством тому стал характерный звук...ну, не такой, что наиболее характерен для туалета и испуга, но...Короче, раздается шлепок, как-будто на пол шмякнулся увесистый кусок глины.

Осмотрелся – никого. Глядь в ведро – а там геккон, что облюбовал нашу ванную. Только меня увидел – и давай лапами сучить. Норовит наружу выбраться, а не может.

- Эврика! - вскричал бы тут Архимед и помчался бы вещать миру об очередном открытии.

- Недурно, - согласились его современные коллеги и начали раскручивать спонсоров на сверхгладкие поверхности. Разве не молодцы?

Ну, а кто уж точно молодец, так это мой подопытный. Он не только подверг серьезному сомнению обоснованность сложнейших научных исследований там, где они вовсе не требуются, но и одарил меня чудесным портретом.



День сорок пятый.

Ну, с наступающим, что ли...

Даже погода сжалась, и сегодня с самого утра светит солнце. Всю жизнь мечтал встретить Новый Год на пляже под пальмами. Неужто мечты сбываются?

День сорок шестой.

Да уж, мечты если сбываются, так уж сбываются.

С 7 вечера и до 11 просидели в «Аббе». Было неплохо, по-крайней мере и места мы получили хорошие, и еда была отличная. Может, несколько скучновато, но тут уж ничего не поделаешь: здесь Новый год вообще мало похож на себя русского, а об его наступлении напоминают разве что отдельные украшения.

И, тем не менее, все было бы неплохо, если бы не люди. К сожалению, сколько бы нам не твердили о самобытности разных народов, в действительности люди весьма схожи, а люди нажравшиеся – практически одинаковы. Я бы даже сказал: одинаково омерзительны.

Стоило нам покинуть пределы «Аббы», как мы оказались в окружении толпы. Отовсюду несло «happy new year», отовсюду тянулись руки для рукопожатий и все прямо-таки счастливы. Но по мере того, как время шло, а количество выпитого спиртного увеличивалось, крики становились все громче, а руки все назойливее.

В итоге сразу после 12 мы решили отправиться домой. По дороге какая-то мразь походя ухватила Галю за мягкое место, да так, что она даже не поняла, кто это сделал.

Самое же «веселье» развернулось на выходе с утеса, где образовалась настоящая пробка из машин и людей. Тут Галю ухватили повторно, но на этот раз она точно знала кто. Пришлось слегка (сильнее мешала висевшая на шее камера) хлопнуть сопляка по морде, а когда Галя помянула полицию, которая к тому времени уже упаковала несколько уродов, он и вовсе удрал.

Дальше добрались уже без приключений, хотя ради этого приходилось постоянно подавлять в себе желание кого-нибудь убить. Медленно...

В общем, Новый год в Индии, как и в любой другой стране мира, лучше справлять дома и в кругу близких людей...если, конечно, кулаки не чешутся.

День сорок восьмой.

Определенно, праздники – непозволительная роскошь для человека праздного. И так нет никаких обязательств, а тут еще их официальное замораживание для всех остальных. Расслабляешься до безобразия.

В результате только сегодня состоялся мой первый выход в поле в новом, 2010-м году. Тут-то и выяснилось, что за эти дни в судьбе «боксера» произошли самые серьезные перемены: он благополучно полинял, избавившись от хвоста «крючком» и прямо-таки преобразившись.



Кстати, принятая им поза – опущенный «подбородок», словно спрятанный между высоко поднятыми «перчатками» – является живой классикой бокса, и оправдывает его имя даже больше, чем сама привычка «боксировать».

Не стояла на месте и жизнь цветочного богомола, покинувшего опустевшую оотеку, а заодно и меня.

Крайне расстроенный его подлым бегством, я бросился фотографировать «боксера», и оказалось, что он не только изменился внешне, но и научился летать. Правда на небольшие, но все же достаточные расстояния, чтобы избавляться от слишком назойливого внимания. Это я понял уже после того, как попытался посадить его «пофотогеничнее». Теперь вот гадаю, увижу ли его снова?

На фоне таких потерь хоть небольшим утешением стал клоп с антенной на голове. Очень странное существо.



День сорок девятый.

Похоже, своих любимцев я лишился окончательно. Не нашел ни цветочного богомола, ни боксера. Странно, но я уже здорово привык к мысли, что могу увидеть их в любое время, когда захочу. Трудно будет отвыкать, тем более что сегодня вообще было не так уж много интересного.

С большой натяжкой к этой категории можно отнести примерно 3-сантиметрового богомола, гревшегося на древесном суку, да изумительного голубоглазого кузнечика, запечатлеть которого достойно не удалось. А в остальном – ничего особенного.

День пятидесятый.

Собирались на дальний пляж, но не по побережью как обычно, а на автобусе. Так гораздо быстрее, а это немаловажно, когда хочешь пофотографировать храмы при хорошем освещении.

Вышли около 8.30 и двинули в нужном направлении. Прошли примерно с километр, а автобусов все нет. Зашли на территорию расположенного здесь храма, за съемкой которого нас и застал Иджаз – паренек, к которому мы ходим проверять почту в интернет-кафе.

Он-то нам и объяснил, что аккурат с сегодняшнего дня начинается забастовка водителей автобусов, а потому переть нам до Капила пешком. Нам это совсем не улыбалось, а потому мы расспросили его о близлежащих храмах и следующие три часа бродили по округе в поисках таковых. Кое-что нашли.



Ну, а вечер...да что вечер? Обычный январский вечер: море, солнце, купание, да традиционный полуторакилограммовый ананас на ужин...

День пятьдесят первый.

«Боксер» нашелся. Сидел на дереве метрах в 20 от своего куста, но был принудительно водворен на прежнее место жительства. И хотя это все мои успехи за сегодняшний день, счастлив безмерно.



День пятьдесят второй.

С утра Галя решила обзреть мои «охотничьи угодья». Первым делом я повел ее к тому участку, где днем ночуют огромные красномордые цикады.

Оказалось, что пробраться туда теперь совсем непросто. Уничтожив всю растительность на поле, строители вынудили местных жителей искать новые туалетные угодья, а учитывая сокращение подходящих для этих целей территорий и возросшую в период праздников потребность в таковых, плотность засранности в укромных местах возросла в разы.

В итоге Галя не приняла моего приглашения пройти по «минному полю», дабы иметь счастье узреть цикад в их естественной, хотя и сильно пахнущей среде. Пришлось мне зажать нос и лезть в заросли в одиночку.

Каково же было мое разочарование, когда все оказалось напрасно. Цикады ушли. По-крайней мере те из них, что имели противогазы и не померли от удушья в первые мгновения химической атаки. И хоть само по себе это крайне огорчительно, у меня язык не поворачивается их осуждать.

Следующим номером нашей программы должны были стать мангусты, которые регулярно попадают мне на глаза. Но как раз сегодня они присоединились к водителям автобусов и устроили нам забастовку.

Зато увидели легендарную древесную собаку, а вернее ее гораздо менее легендарный труп, занявший свое почетное место рядом с обнаруженными ранее трупами кита, черепахи и лобстера. Не знаю почему считается, будто у марапаты кошачье тело и собачья морда. Возможно потому, что те, кто мне о ней рассказывали, сами ее толком не видели?

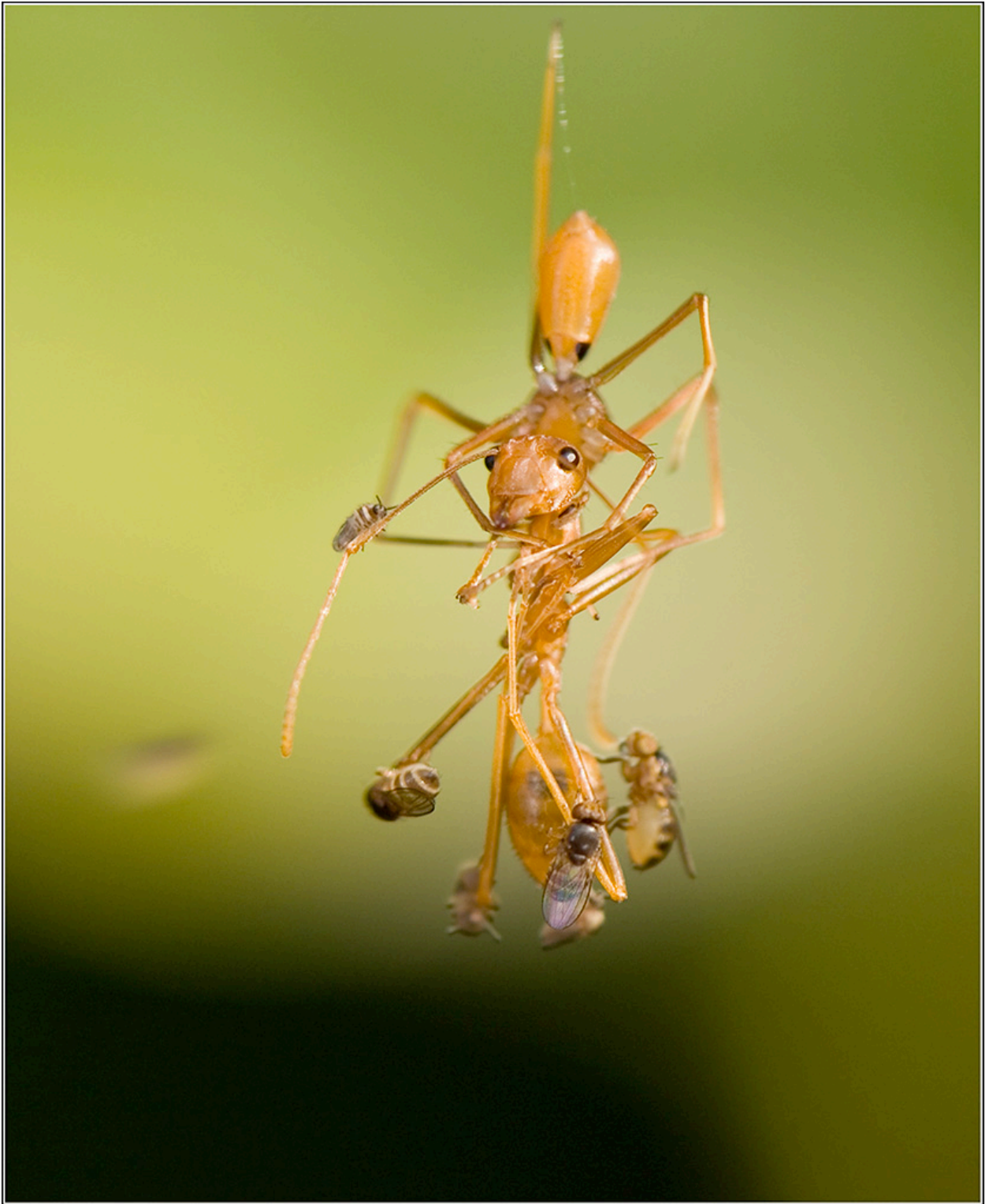




Как бы там ни было, я не нашел в марапати ничего кошачьего. Труп был похож на собачий (только почему-то с лысой мордой), и я не совсем представляю, как с такими лапами можно карабкаться по деревьям. Может, местные ошиблись, назвав ее марапати, и на самом деле это труп обыкновенной собаки? Хотя шерсть и окрас необычны. Эх, жаль не довелось увидеть ее живьем.

Единственный, кто меня сегодня не подвел – это «боксер». Он сидел на положенном месте и даже позволил Гале немного попугать себя пальцем, а мне – измерить себя линейкой. Оказалось, что сейчас в нем 3,2 см.

Затем понаблюдали за «их нравами». Муравей-портной стал жертвой паука, формой и цветом сильно схожего со своей жертвой. Однако центральными фигурами оказались не они, а те мухи, что вешались на муравья прямо под носом у муравьеубийцы.



Глядя на то, как эти крохотные существа таскают куски со стола главного, можно сказать - официального - кошмара всего мушиного рода, а тот в свою очередь лишь беспомощно от них отмахивается, лишний раз убеждаешься в относительности наших представлений об этом мире.

Вечером наконец-то закончил статью об индийском цветочном богомоле, чем остался крайне доволен.

День пятьдесят третий.

Радость по поводу окончания статьи оказалась преждевременной, поскольку поутру в поле обнаружился новый цветочный богомол.



Отличный экземпляр. Раньше я не задумываясь назвал бы его самцом, но теперь в этом нет никакой уверенности, тем более что брюхо его было так раздуто, будто в нем сокрыта оотека весьма солидного размера.

Но кем бы ни было это чудесное создание, оно оказалось удивительно покладистым и с легкостью позволило снимать себя сначала на том кусте, на котором было обнаружено, а затем и на других, куда оно с готовностью переселялось.



В итоге я водворил его на то самое дерево, на котором на протяжении нескольких недель с таким удовольствием наблюдал за родительскими

хлопотами двух других цветочных богомол. Не знаю, приживется ли здесь этот, но с мухой он расправился ничуть не хуже своего предшественника. Может понравится?

День пятьдесят шестой.

Пасмурно весь день, да еще периодически начинает лить дождь. Галя расклеилась после вчерашнего ливня, но хорохорится и грозитя опять пойти на вечернее представление местного «народного творчества».

Зато у меня было время, чтобы довести статью до ума. Вроде бы получилось, хотя теперь даже боязно такое писать, тем более что вечером в окно залетел еще один богомол – к счастью не цветочный, а то пришлось бы опять все переписывать.

День пятьдесят восьмой.

Лучше бы я вообще не ходил вчера в интернет-кафе. Стоило мне подойти к конторе Иджаза, как в глаза сразу же бросилась его последняя картина: по белому полотну шествовал празднично разукрашенный слон, а надпись под ним сообщала, что акkurat сегодня состоится праздник этих животных, более подробную информацию о котором предлагалось получить внутри.

Художественная составляющая произведения невольно навевала воспоминания о «Сеятеле» кисти Остапа Бендера, но как и любое настоящее искусство, картина Иджаза вещала истинную правду – он действительно выложил мне всю ключевую информацию о предстоящем событии: пройдет сегодня с 3-х до 6-ти в Паравуре, продлится только один день, и он (Иджаз) готов посодействовать с такси.

Ну надо же было такому случиться! Мы с Галей еще месяц назад пытались узнать место и время проведения этого праздника, но никто, в том числе и живущая здесь 13 лет и вроде бы всем интересующаяся Мария, не смог ничего нам толком сказать. Между тем, это было едва ли не единственное

мероприятие, которое действительно и безоговорочно хотели посетить мы оба. И вот теперь, стоило Гале впервые за эти два месяца приболеть, как этот чертов праздник сваливается нам на голову. Что за подлость!

Гале, естественно, ничего не сказал – поехать все-равно не смогла бы, а расстроилась бы до крайности. Напоследок попросил Иджаза уничтожить его шедевр сегодня же вечером, когда его коммерческая ценность станет равна нулю – не хотелось бы, чтобы Галя случайно увидела его завтра или послезавтра во время своей первой после болезни прогулки.

День пятьдесят девятый.

Больной пошел на поправку, так что есть надежда, что на этот раз отделаемся легкой простудой. Еще одна порция свежавыжатого ананасового сока должна добить микробов.

День шестидесятый.

После обеда решили сходить к Иджазу проверить почту, а заодно и морским воздухом подышать.

У Иджаза нас ждала радостная весть: «Фигурная резка» прошла в финал «Золотой черепахи».



И хотя я даже больше рассчитывал на второго слоника



все равно чертовски приятно.

День шестьдесят первый.

С утра в поле фотографировал забавную местную пчелку. Видел ее до этого много раз и много раз пытался сфотографировать, но ничего толкового не получалось – она все время в движении, все время следит за пролетающими мимо бабочками, осами и другими крылатыми интервентами, и без раздумий бросается на каждого, кто вторгается в ее воздушное пространство. Но сегодня я решил добиться результата любой ценой и в общем-то преуспел, хотя побегать за ней от одной «посадочной площадки» к другой пришлось немало.



Зато уж с кем точно не было никаких сложностей, так это с «фермером» и его «скотинкой» - каждый был занят своим делом и не мешал другому: муравей стерег горбатку и периодически щекотал ее усиками; горбатка – ела и...э-э-э...выделяла столь любимый муравьями сироп, а мне оставалось лишь наблюдать за всем этим безобразием.



Около 3-х пошли на обед в ресторан. Думал взять что-нибудь новенькое из китайских деликатесов, но официант предупредил, что все они очень острые.

Пришлось повторить свой прошлый заказ – тушеные овощи с кешью – и снова было очень вкусно. Разве что гусеница в Галиной тарелке была все-таки лишней...

День шестьдесят третий.

Вчера у нас случилось солнечное затмение, о чем я сегодня написал статейку. Чтобы не морочить себе голову, описывая сие знаменательное событие, просто приведу ее здесь.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ В ИНДИИ

15 января 2010 в городе Варкала (Индия) можно было наблюдать полное солнечное затмение. Десятки, а может и сотни людей – как местных жителей, так и отдыхающих здесь туристов из самых разных стран – стали свидетелями этого события.



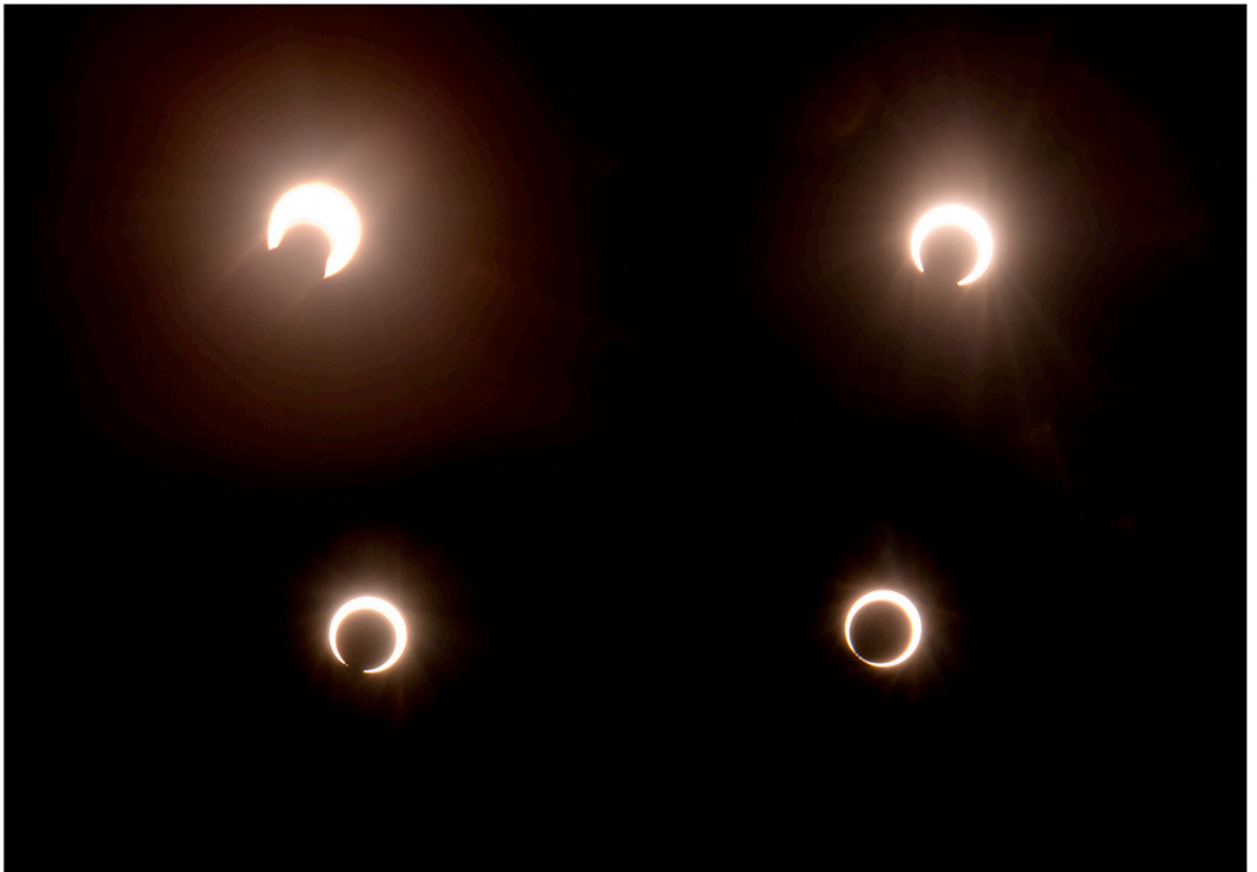
Очереди могут выстраиваться не только за сахаром или колбасой, но и за очками, позволяющими без ущерба для зрения смотреть на солнце

Разумеется, такое событие не могло остаться без внимания ученых. Представители одного из исследовательских институтов Мумбаи прибыли на вертолетную площадку Варкалы, и сейчас один из них объясняет представителям местного телевидения суть происходящего, в то время как его молодой помощник пытается зафиксировать происходящее с помощью допотопной пленочной «мыльницы» с прикрепленным к ее объективу самодельным фильтром.



Скромность имеющегося в их распоряжении оборудования не мешает местным исследователям самозабвенно заниматься своим делом. Впрочем, таковы же и все остальные индийцы, и виднеющийся на заднем плане человек, разглядывающий солнце сквозь самодельные очки, лишь один из многих. Другие и вовсе использовали простую фольгу, а некоторые даже... собственные рентгеновские снимки.

И все это ради того, чтобы увидеть, как Луна ненадолго затмит Солнце. На снимке внизу этот процесс можно рассмотреть достаточно подробно.



Последнюю стадию солнечного затмения присутствовавшие в этот день на Хелипаде (так именуют здесь вертолетную площадку) могли не только увидеть, но и почувствовать. В тот момент, когда Луна полностью заслонила Землю от Солнца, стало несколько темнее и значительно прохладнее.

Но это длилось недолго, и сегодня солнце снова палит с прежней силой.

День шестьдесят четвертый.

Главной радостью последних дней стало то, что послезавтра состоится очередной фестиваль слонов – на этот раз это какой-то храмовый праздник. «Абба» организует автобус в те края за 130 рублей с человека, но где это будет – не говорят, боятся, что люди своим ходом поедут.

Ладно, попробуем разведать у наших местных знакомых.

День шестьдесят пятый.

С утра сходил в поле, но абсолютно не удачно. Сильный ветер позволил снять лишь парочку спаривающихся акрид, да и только.

Хотя шансы были. На моих глазах какая-то оса на лету схватила крупную акриду. К сожалению, их борьбы, скрытой от меня листвой, я не видел; видел лишь как оса улетала с уже парализованной жертвой. Жаль, но может мне еще повезет – акриде-то уже навряд ли.

Никто и ничего не смог нам рассказать про праздник слонов – просто какой-то заговор молчания. Решили не париться и купить билеты в «Аббе» - в конце концов 260 рублей не так уж и много за такое зрелище.

День шестьдесят шестой.

Побывали на празднике слонов. Забавно, но не более того. Просто очень много празднично украшенных слонов, которых сначала проводят в храме по кругу, а затем ведут на огромное сельское поле,



где выстраивают в ряд.



Само по себе все неплохо, но огромное стечение народа и традиционная индийская какофония (несколько «оркестров» норовят перебарабанить и перезвенеть друг друга с завидным энтузиазмом) несколько утомляет. Да еще и организация «Аббы» впечатляет: выехали мы почти на час позже назначенного времени и, как следствие, на месте оказались уже лишь в четвертом часу. А обратно выезжаем в 17.00. Ну, не свинство ли?

Короче, получилось все несколько «галопом по Европам». Был бы лишний часок-другой, могли бы осмотреться обстоятельнее. Кто знает, может мы пропустили захватывающий финал?



Зажмурившись от удовольствия, слон поглощает принесенные им пальмовые листья. Не похоже, чтобы его сильно волновала победа на фестивале, чего не скажешь о маячащем на заднем плане горделивом наезднике: по его виду можно подумать, будто именно он здесь - самый красивый слон

Впрочем, может оно и к лучшему. К вечеру начал усиливаться поток местных, и далеко не все они были трезвы. Неизвестно, чем бы все это могло закончиться, задержись мы там до темноты.

А так уже к восьми мы вернулись на вертолетную площадку, где как раз заканчивалось очередное фольклорное представление. Галя осталась посмотреть, а я рванул в ставший нашим фаворитом в последнее время ближайший к площадке ресторан («Отупура»), где заказал нам ужин, прошедший (как говорили в советских хрониках) в теплой, дружественной обстановке – благо было тепло, да и врагов вокруг не наблюдалось.

День шестьдесят седьмой.

Во второй половине дня сходили на пляж. Море было на удивление спокойно, и я все никак не мог заставить себя вылезти из воды – все-таки приятно, когда ты плывешь на спине не накрываемый поминутно волной. В итоге так увлекся, что закат встретил в воде вдали от берега. Поразмыслив, решил не плыть к нему напрямую, а направиться к тому месту, где мы обычно ополаскиваемся пресной водой.

Плыву себе на спине, вдруг чувствую – кто-то легонько дернул за грудь. Может показалось?

Пару минут спустя опять тоже самое. Подумал, что завязки от плавков могли в воде зацепиться за мужественную, и оттого сильно волосатую грудь. Хотя странно: и грудь у меня не сразу над плавками начинается, да и завязки не такие длинные...

Пока я об этом размышлял, дернуло чуть сильнее. Э-э-э, думаю, не зря пляжные полицейские одновременно с закатом людей из моря выгоняют – надо ускориться. Перевернулся на живот – и к берегу.

Вроде и ускорился, но чувствую, что опять кто-то ухватил – на этот раз за мужественно-волосатую ногу. Ох, и рванул же я тут! Увидела бы меня Наташа Ростова, вмиг перестала бы вопрошать: «Отчего люди не летают как птицы?». Летают, милая, еще как летают! Разогнался так, что разве только на песок с разгона не вылетел. Стою на берегу – язык на плече, пульс – в ушах, душа – в пятках, но вроде цел.

И до чего же обидно было узнать от нашего пляжного полицейского, что все это – проделки каких-то микроорганизмов, подходящих по вечерам ближе к берегу. Эх, знала бы Наташа о том, от чего люди порой летают как птицы...

Вечером поедали полуторакилограммовый ананас, купленный в городе этим же утром за 39 рупий. Надо заметить, что цены на фрукты в последнее время заметно выросли: если раньше ананас стоил 17 рупий за килограмм, то

теперь – 28. Плохо конечно, но все-таки 26 рублей за полтора кило – это терпимо, правда?

День шестьдесят восьмой.

До чего же они все-таки бестолковые!

Мы решили на автобусе доехать до Капила, чтобы сэкономить силы и от него двинуться дальше по побережью.

Сели в автобус, спросили кондуктора, идет ли автобус до Капила. Он задумался, потом кивнул и даже изрек: «Kapil, yes». В итоге нас довезли до какого-то храма неподалеку от пляжа, расположенного между нашим пляжем и Капилом: все, типа, приехали. Мы спрашиваем, дескать, а как же Капил?

- Kapil? – тут он делает круглые глаза. - No Kapil.

Нет, ну вот ведь осёл! Но прощаю, ибо храм, у которого нас высадили, оказался очень красив. Чего стоили одни только ворота с катившей по ним колесницей!



Да и за воротами было на что посмотреть.



Побродив вокруг, мы уже пешком добрались сначала до Капила, а потом побрели дальше. Посмотрели те храмы, которые я хотел показать Гале, и хотя лучшее время для съемки уже миновало, основное сооружение главного храма Капила произвело очень приятное впечатление своей замысловатостью.



За Капил мы ушли не слишком далеко и не обнаружили ничего особенного. Как и по всему побережью здесь разбросаны рыбацкие деревушки да небольшие храмы и мечети при них.

Единственное, что нас заинтересовало, это пляж у одной такой деревушки. Его облюбовали огромные желтые крабы, но как и любые другие крупные животные они очень осторожны и близко к себе не подпускают. К тому же у меня вечная беда со съемкой на песке: цвета получаются какие-то кошмарные. Что ж, посмотрим, может мы сюда еще и вернемся.



Пообедав в тени пальмы переперченными пирожками и огурцами, мы решили поехать обратно на автобусе, для чего пришлось идти через другую деревню. Здесь нам несколько раз попадались на глаза мангусты, что тоже представляет интерес.

День шестьдесят девятый.

С утра еле соскреб себя с кровати после вчерашнего похода и поплелся на поле, где нашел гнездо крохотных пчелок. Попробовал их пощелкать, но получилось так себе. Позже попробую со штатива – хоть какое-то ему применение, а то все только белье на нем сушим.

Зато неплохо получились кузнечики. Один из них долго разглядывал меня не то чтобы искоса, а скорее даже как-то из подмышки, и вид при этом имел несколько раздраженный.



Лишь когда мне удалось потихоньку приблизиться, причина его недовольства стала ясна. Оказалось, что бедолага подслеповат и, уставившись на плод весьма интересной формы, по-видимому намеревался завести приятное знакомство. Естественно, третий был здесь лишним.



День семьдесят первый.

Описывая пятьдесят шестой день своего пребывания в Индии, я упоминал об окончании (аллилуйя!) статьи о богомолах и о том, как в тот же вечер еще один представитель этого семейства влетел к нам в кухонное окно, символизируя бесконечность этой темы, грозящей перерасти в «Санта-Барбару».

Тогда я не стал особо распространяться о новом постояльце, поскольку кроме прыти он ничем таким себя не проявил. Разве что бестолковостью. Ведь когда я его все-таки поймал и выпустил в окно, он тут же влетел обратно и скрылся из поля зрения.

Ну, так вот теперь он опять в нем появился. В поле зрения, то есть. Не знаю, проживал ли он тут все две недели безвылазно, но пару дней назад Галя заметила его на потолке. Мы даже ожидали небольшой драмы, поскольку наш новый домашний питомец явно проявлял интерес к разгуливавшему поблизости пауку. Для просмотра этой кинокартины нам было достаточно

лечь на кровать и уставиться в потолок, но поскольку пришло время завтрака мы этого не сделали. Когда же с трапезой было покончено и мы уже готовы были к просмотру, на «экране» не оказалось ни богомола, ни паука.

Боюсь, что судьба паука навеки останется для нас тайной...хотя чего тут бояться-то? Пауков тут завались, в том числе и у нас в комнате. Главное, что богомол на этот раз пропал ненадолго. Уже на следующий день он опять прогуливался по потолку и продолжает заниматься этим по сей день. Остается дожидаться, когда ему захочется спуститься вниз.

Но это так, лирическое отступление, вызванное необходимостью хоть что-то написать о «дикой природе», поскольку запланированный вчера вечером выход в поле оказался сорван бесновавшими всю ночь собаками.

В итоге мы только к обеду выбрались в ресторан, где взяли пару новых индийских блюд. Мое оказалось совсем неперченым, Галино – перченым умеренно, и по итогу мы оба остались довольны.

Потом пошли на пляж, где я попытался освоить плавание на гребне волны. Никогда бы не подумал, что это так здорово! Оказывается, если удачно поймать момент, то на этом самом гребне можно проехать с десятков-другой метров безо всяких досок, а некоторые асы докатываются до самого берега.

Правда, это может быть чревато. В какой-то момент я настолько удачно поймал волну, что вскоре оказался на самом ее гребне. Несколько метров я проехал на нем, взирая на все с высоты весьма приличного вала, но потом эта водная стена стала сворачиваться в одну из тех длинных «труб», по которым так любят промчаться серферы.

Проблема в том, что эта самая труба образовывается непосредственно перед обрушением гребня – а значит и того, кто на нем едет – вниз. Вот я и «обрушился».

Интересные ощущения: едешь себе на волне, радуешься, и вдруг чувствуешь, что под тобой ничего нет. Далее следует крутое пики (причем тебя закручивает под волну), после чего ты встречаешься с дном и...я, кстати, не упоминал, какое здесь дивное дно? Мягкий желтый песочек и все такое?

Ну так вот дальше ты шмякаешься на мягкий желтый песочек, по которому тебя протаскивает как по листу наждачной бумаги. После этого всплываешь (оно ведь не тонет, верно?) и повторяешь все еще раз, по какой-то странной расслабленности ума рассчитывая, что уж на этот раз все точно пройдет как по нотам.

Итог: немного саднящие локоть и колено и полные плавки песка и восторга.

День семьдесят второй.

Давно меня уже так не радовало мое поле. Впрочем, дело даже не в поле, а в собственном настрое. Просто решил вчера вечером, что хватит ждать каких-то чудес. Надо снимать то, что есть, тем более что «есть» у меня – даже на остатках прежних «угодий» - больше, чем было в Питере в самый лучший сезон. А здесь я разбаловался. Из-под ног выпрыгивают кузнечики, клопы, цикады, а я только нос ворочу, все высматриваю «что-то особенное». Дома-то я за любимым жучком готов был ползать...

В общем, решил сконцентрироваться на местных кузнечиках и акридах. К кузнечикам я вообще всегда был равнодушен, и именно с их съемки в окрестностях Кавголово и началась моя страсть к фотографии. Здесь же к моим фаворитам помимо, конечно же, богомолов, добавились акриды. Некоторые из них впечатляют размерами, другие радуют глаз окраской, третьи же просто забавны, обаятельны и на удивление дружелюбны.

Решить-то решил, да вот только чтобы осуществить задуманное нужно встать с утра пораньше, а собаки – как назло – совсем с ума посходили. Только принятое накануне решение заставило меня подняться с постели и, как оказалось, не зря.

Начав сразу же воплощать в жизнь план по портретированию акрид (библейские египтяне меня бы вряд ли поняли), я с легкостью получил пару приятных «открыточных» кадров, которым точно «не светит» на престижных

фотоконкурсах, но которые наверняка повеселят любого, кто далек от высокого искусства.





И уж как всегда бывает в таких случаях, радость пришла не одна. Вместе с нею приперлась еще и бабочка – просто уселась прямо у меня под носом и никуда не улетала, хотя я весьма усердно пугал ее своей фотоконструкцией. На выхлопе появился еще один низкопробный, достойный всяческого порицания критиков, но технически качественный кадр.



Под занавес же мне повезло настолько сильно, что я теперь боюсь даже представить, какого цвета будет следующая полоса в моей жизни – ведь нынешняя засияла такой белизной, что узрев ее Тишко со своим «Тайдом» удавились бы от зависти.

А повстречался мне еще один богомол. Я-то думал, что на своем поле уж точно всех переловил, да как бы не так – новое поколение напирает. Стоило мне покончить с очередной акридой, как под веткой дерева обнаружился еще один представитель этого семейства: сидит себе под листочком, от полуденного зноя отдыхает.



Времени у меня было уже немного, а потому отдых пришлось прервать, портреты – создать, после чего модель обратно усадить. Насколько могу судить, все остались довольны – по-крайней мере жалоб от участвовавших высоких сторон не поступало.





День семьдесят третий.

Вдохновленный вчерашними успехами, поскакал с утра пораньше в поле и наткнулся на коричневых муравьев-портных, возводивших «мосты» из собственных тел. Замечательные конструкции!



В свое время Рим покорил полмира во многом благодаря совершенству своей инженерной мысли. Способность за несколько часов строить укрепленные лагеря, наводить мосты и переправы через реки, помогала им быстро перемещаться и возникать перед врагом, когда тот меньше всего этого ожидал. Можно лишь догадываться, насколько проще Цезарю было бы «подмять» под себя Галлию, если бы его легионеры могли форсировать реки, просто цепляясь зубами друг за друга.

Кстати, при строительстве гнезд портные используют ту же технологию, что и при возведении «мостов». Рабочие муравьи хватаются ножками за один лист, а челюстями – за другой, и начинают подтягивать их друг к другу. Вот тут-то и происходит самое интересное: из гнезда появляются рабочие муравьи, несущие взрослых личинок. Личинки эти способны выделять паутину не хуже любого паука, и прикладывая голову личинки то к одному, то к другому листу, взрослый муравей сшивает соединенные листья.



*Зачастую гнезда портных выглядят как обычная охавка листьев.
Но иногда они делают и такие весьма замысловатые конструкции,
своим видом напоминающие крытые туннели*

Подобная эксплуатация малолетних личинок безусловно вызвала бы протесты органов опеки и попечительства в любом более развитом обществе, но у муравьев такие органы отсутствуют, а потому личинкам приходится трудиться наравне со взрослыми.

Также портные и с врагами расправляются: достаточно вспомнить, как эти относительно небольшие муравьи «растягивали» своих огромных черных собратьев в тот день, когда экскаватор столкнул их между собой. Настоящая живая дыба, да и только. В общем, интересные субъекты, надо будет за ними понаблюдать.

День семьдесят четвертый.

Эх, богата природа индийская, богаты лавки ее бакалейные. А уж как богаты природой ее бакалейные товары!

Не помню, упоминал ли я о том случае, когда из банки с овсянкой вылетела моль? Нет? Ну, так вот она вылетела, но это далеко не самое интересное. В конце концов, крупяная моль – явление обычное. В свое время ко мне обратилась женщина, которая купила на день рождения своего чада дорогих конфет с орешками одной известной торговой марки. К своему не малому удивлению и к моей огромной радости они обнаружили в них гусениц, в связи с чем так расстроилась, что решила стрясти деньжат с указанной (а точнее, не указанной) фирмы.

Тогда я отправился в местную санитарно-эпидемиологическую службу, где мне сообщили, что это были личинки крупяной моли. Собственно, именно по этой причине я не сильно удивился, когда достигшее зрелости, здоровое, вскормленное на овсянке насекомое покинуло банку и воспарило в высь.

По той же самой причине я не сильно удивлялся, когда пару раз в варившихся мной макаронах обнаруживались долгоносики – пикантная приправа, не более того. Но когда мы вчера открыли новую пачку, из которой они повалили прямо-таки шеренгами, мне показалось, что это уже слишком. Впрочем, чему тут удивляться – индийцы всегда перебарщивают с приправами.

Пришлось нам собирать расплзшихся жучков по всему столу. Набралось штук семьдесят, но когда мы заглянули в пачку, оказалось, что там притаилась еще сотня-другая слоников. Нарядить бы их поприаздничней, и местные фестивали слонов могли бы отдыхать.

Вечером же пришлось топтать на другой фестиваль: в пятизвездочном отеле проходило очередное «индийское народное выступление». Представление оказалось так себе, а вот костюмы и грим – очень даже ничего.



День семьдесят шестой.

Фотографировал какую-то ночную бабочку. По обычаю этих субъектов, она устраивалась на дневной ночлег в тенечке, и я не стал ей мешать. Подождал, пока она расположится поудобнее и, едва заслышав храп, взял ее вместе с «наседом» и отнес туда, где было удобнее снимать. Не ахти, конечно, но с пивом, наверное, потянет.



А уж кто точно подошел бы к пиву, так это крупный кузнечик, что повстречался мне ближе к 11 часам. В Таиланде такого быстренько бы поджарили – и в пичу!



Форма тела и поза, в которой кузнечик замер на листе, показались мне знакомыми еще издали, а приблизившись я убедился окончательно: передо мной был ближайший родственник любителя цветочных «поп», от которого он отличался исключительно цветом. При моем приближении сходство стало еще более очевидным: кузнечик набычился и сурово посмотрел на меня из-под мышки – прямо как дед из нашей бакалейной лавки. Мне почему-то сразу подумалось, что как раз один из таких взглядов Ивана Грозного убедил князя Курбского в необходимости скорейшей эмиграции.



Но я – не Курбский. Меня одним суровым взглядом в эмиграцию не отправишь. А тут еще выяснилось, что внешность опять оказалась обманчива: несмотря на смурной вид, кузнечик оказался довольно-таки дружелюбным типом, и в отличие от деда из лавки даже не попытался мне впарить просроченный хлеб. Ох и нафотографировались же мы!



Ах, да, чуть не забыл упомянуть о главном: одна из оотек, примеченных мной ранее, наконец-то «дала плоды». Сегодня все травинки вокруг нее были усеяны крошечными богомольчиками: замечательное зрелище, дарующее надежду на отличные кадры в будущем.



День семьдесят седьмой.

Еще вчера я праздновал рождение новых богомоллов, а уже сегодня вынужден объявить траур по их сородичу. В какой-то момент Галя увидела, что наш домашний богомольчик лежит на спине посреди кровати и еле шевелится. Она попыталась его куда-нибудь посадить, но лапки насекомого больше его не слушались.

В-общем, Галя выкинула его в окошко, надеясь, по ее словам, что «родная среда поможет ему оклиматься». Я в этом сильно сомневаюсь, так как сбрасывание больных с третьего этажа редко способствует улучшению их самочувствия. Если же говорить серьезно, то либо просто срок его пришел, либо он столкнулся с лопастью постоянно работающего потолочного вентилятора. Ни то, ни другое, как известно, не лечится.

День семьдесят восьмой.

Когда вчера поутру я пытался фотографировать «баклажанного» богомольчика, ко мне подошел местный парень лет 27. Все как обычно: как зовут, откуда, что делаешь...И вдруг начинает говорить что-то про мою камеру, потом будто у него тоже есть камера, только маленькая (но по три?). Потом что-то там «please, please», из чего я посредством сложнейшего логического анализа делаю вывод о том, что он явно чего-то хочет и связано это напрямую с моей техникой.

Начинаю его расспрашивать подробнее и выясняется, что возжелал он поснимать бабочек, причем моей камерой. Зачем он при этом собирался принести свою, я точно не понял, но подумал, что он, возможно, захочет запечатлеться на нее с серьезной камерой в руках, дабы потом демонстрировать сей снимок односельчанам. А может не хотел оставлять меня совсем уж с пустыми руками – вдруг я расплакался бы.

Мне подумалось, что пару «щелчков» мой «Никон» перенесет с легкостью, а больше он и сам делать не захочет, поняв, что для съемки макро нужна особая сноровка. Короче, договорились встретиться на следующее утро.

Пришел я сегодня часам к восьми – его нет. Ходил по полю, щелкал понемногу, когда наконец появился свежеиспеченный энтомолог – правда почему-то без «маленькой камеры».

Может я его опять-таки не понял, но по его интонациям и жестам мне показалось, будто он еще и недоволен моим поздним появлением. Ну, думаю, черт с тобой.

Он показывает на мою камеру, начинает говорить, что я ему вчера ее обещал, после чего я снимаю ее со своей шеи и протягиваю ему: на, мол, снимай. Он почему-то начинает улыбаться и отмахиваться. Я говорю:

- В чем проблема? Ты говорил, что хочешь снимать бабочек? Так пожалуйста: вот камера, бери и снимай.

На это он мне что-то вроде:

- Моя камера до завтра.

- Не понял, - говорю. – Ты что, хочешь взять мою камеру и уйти с ней?

- Да-да, - кивает он, обрадованный, что до меня наконец-то дошла такая очевидная и абсолютно естественная мысль.

- Что может быть проще? – размышлял он должно быть про себя. – Берешь свою камеру за тысячу долларов, прикручиваешь к ней объектив той же стоимости и, укрепив эту несовершенную конструкцию комплектом макровспышек за те же 10 сотен, передаешь ее незнакомому человеку, дабы он мог на досуге поразвлечься съемкой бабочек. Что тут непонятного?

Даже не знаю: то ли они на самом деле настолько просты и наивны, то ли иностранцев считают полными идиотами. Вполне возможно, что взяв камеру он действительно вернул бы ее на следующий день, а мой скепсис – не более чем плод недостойного неверия в порядочность представителей индийской глубинки. Но, как бы там ни было, мне почему-то не захотелось этого проверять.

- Ни за что, - был мой ответ.

- Ни за что? – искренне удивился он.

- Да, уж извини. Хочешь снимать моей камерой – снимай здесь и сейчас.

Как он тут разнервничался! Отбежал в сторону, начал что-то выкрикивать по-своему (хотя не исключено, что он считал это английским – многие местные жители пребывают в аналогичных иллюзиях), а потом и вовсе изобразил что-то угрожающее, проведя ребром ладони по шее.

Пришлось попрощаться тем американским жестом, который в последнее время получил куда большее распространение, чем английский язык. В пользу этого вывода говорит тот факт, что жест этот, в отличие от английского языка, понимают даже в Индии. Здесь вообще куда лучше понимают жесты – недаром даже танцы построены на их языке.

За всеми этими событиями успел «щелкнуть» лишь пару кузнечиков – и на том спасибо.





День семьдесят девятый.

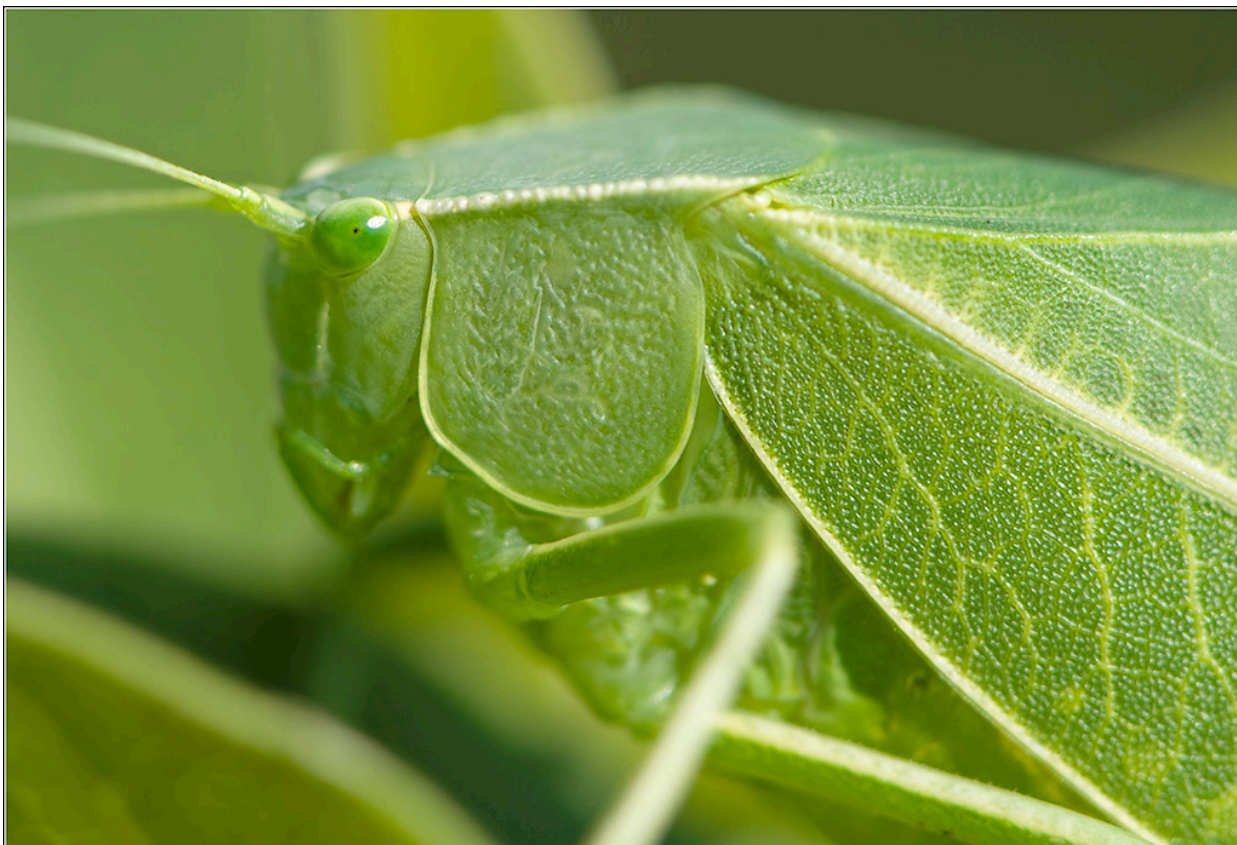
Случай в нашей любимой пекарне, когда мы нарвались на переперченные пирожки с яйцом, оказался вовсе не случаен: теперь здесь действительно так готовят, увы!

Но мы нашли метод борьбы. Берешь пирожок, разворачиваешь его, вынимаешь всю начинку и выкидываешь ее без малейших сожалений, оставив лишь само яйцо. Оно кладешь обратно, «конвертик» заворачиваешь – и чудесный пирожок с яйцом готов!

Все-таки нужно им взять на приготовление пирожков еще одного человека, который вынимал бы все лишнее. Ведь не класть специи индийцы не могут, так пусть будет хоть кто-то, кто будет их вынимать.

К сожалению, аналогичным образом не решишь проблемы отсутствия насекомых. Нет, они, конечно, есть, но не в том количестве, в каком хотелось бы. Поле мое и так изувечено, так еще и погода установилась без каких-либо

осадков. В результате все высохло и бывшего обилия жизни не наблюдается. Повезло хоть, что к нам в гости прилетел этот кузнец.



Я уже прошел было мимо, и лишь оглянувшись заметил его. Несмотря на большие размеры (около 6 см), кузнечик отлично сливался с окружающей средой, а его надкрылья полностью повторяли рисунок листьев, на которых он сидел.

Насекомое оказалось не из пугливых, но под конец все же решило продемонстрировать мне свои замечательные лётные навыки. Поднявшись в воздух, оно пролетело метров 30, зависло на несколько секунд на месте, словно выбирая дальнейшее направление, а потом, набрав высоту, перелетело через идущий вдоль поля забор и скрылось из вида. Судя по всему, мы вряд ли увидимся вновь.

Радует еще и то, что на кустах вокруг огромного старого дерева появилось множество молодых богомольчиков. Возможно, они перебрались сюда от той оотеки, которая «отелилась» дней десять назад. Не знаю правда, как они уживутся на такой маленькой территории – еще чего доброго пожрут друг друга...

18 февраля 2010г.

Как раз заканчивал свой утренний моцион, когда с улицы донеслось негромкое позвякивание цепей, сопровождавшееся громом оркестра. Побросав все как было, я схватил камеру и опрометью бросился на улицу, уже зная – по улице ведут слона.

Слоны мне сейчас нужны позарез: несколько дней назад «Юный Натуралист» предложил мне написать что-нибудь о домашних любимцах индийцев, а лучше геконов и слонов на эту роль никто не подойдет.

Понимаю: в отношении слонов это звучит странновато. Но дело в том, что в отличие от своего африканского родственника индийский слон легко приручается, легко обучается, да еще и быстро становится послушным. Человек же, как известно, любит приручать все, что только может и, несмотря на весьма поверхностные познания об окружающем мире, испытывает неутолимую страсть к обучению окружающих.

Конечно, нам трудно представить себе животное, менее подходящее на роль «домашнего любимца»: и в лифт не влезет, да и в комнате с ним тесновато. И все же факт остается фактом: на сегодняшний день в Индии насчитывается около девятисот прирученных слонов, и обладание хотя бы одним из них изрядно повышает значимость человека в глазах окружающих.

Причина этого кроется в том, что индийский слон – одно из немногих животных, которое действительно «ест как слон», а его содержание – удовольствие не из дешевых, и обходится оно владельцу приблизительно в тысячу долларов ежемесячно. Иначе говоря, позволить себе такого «домашнего любимца» может только очень богатый человек. Или храм.

Ведь слон – это не просто домашний любимец, но и священное животное Индии. Слоноголовый бог Ганеш, сын самого Шивы – одно из наиболее почитаемых божеств, изображения которого встречаются повсюду. Именно поэтому выражение «по улицам слона водили» здесь не пустой звук. В дни празднеств, коих в Индии великое множество и одно из которых, по-видимому, случилось аккурат сегодня, слонов действительно водят по улицам, и такая встреча считается хорошей приметой...



...хотя водители автомобилей могли бы с этим поспорить. Ведь для них встреча с гигантом означает в первую очередь дорожную пробку.



Впрочем, для меня каждая остановка была в радость, и первая из них случилась как раз у моего дома, виднеющегося на заднем плане. Если же разглядывать снимок под микроскопом, то на фоне светлого неба можно даже разглядеть силуэт человека, опирающегося о парапет. Это Галя фотографирует тоже самое событие с крыши.

От нашего дома слона повели в сторону главного местного храма, архитекторы которого имели очень оригинальную точку зрения на внешний вид легендарных Атлантов. По их твердому убеждению, небо поддерживает группа синеккожих пузатых карапузов, взирающих на мир коровьими глазами Сильвестра Сталоне.



Честно говоря, я не совсем уловил, для чего слона приводили к храму. Видимо, были совершены какие-то ритуальные действия, которые ускользнули от моего внимания. Затем мы дружно, сопровождаемые все тем же оркестром и его канонадой, двинулись назад. По дороге кортеж задержался у нескольких домов, а затем проулками двинулся к еще одному

храму. Проходы здесь настолько узки, что в некоторые из них слон протискивался не без труда и обойти его, дабы лицезреть не только его тыл, было практически невозможно. Смирившись с этим обстоятельством и не ожидая больше ничего интересного, я предпочел «отчалить».

Вместо эпилога.

На этом месте мой дневник оборвался...к счастью не от того, что на одном из очередных праздников на меня наступил слон. Причин было несколько, и первая из них – засуха.

Растительность окончательно пожухла и, как следствие, живности стало значительно меньше. При этом стало гораздо жарче: термометра у нас не было, и в его отсутствие мерилом для нас стал потолочный вентилятор. Если поначалу мы выключали его на ночь или включали на 1-ю скорость, то потом перешли на 2-ю, а затем и 3-ю. Дальше мы ее не увеличивали не потому, что это было достаточно, а потому, что могло просто сдуть вместе с кроватью.

Кроме того, как раз в это время мы начали много разъезжать по самым разным местам. Побывали в столице Кералы Тривандруме; на фестивале слонов в Триссуре; в Алепи, по какому-то недоразумению именуемому восточной Венецией; на курорте Ковалам; в высокогорном Мунаре, славящемся своими чайными плантациями; и в таком же высокогорном Перияре, известном тигриным заповедником. Все это было достаточно занятно, и о Перияре я даже написал статейку, которую уже напечатал «Юный Натуралист» - как всегда изрядно переврав текст.

Кстати, написание статей – это третья причина, по которой обрывается дневник. В тот момент я еще наивно полагал, что этим можно будет более или менее зарабатывать и, накопив достаточное количество материала, принялся за работу. Это теперь, получив за статью на 4-х разворотах с 15-ю фотографиями 4 500 рублей от «Digital Photo» (на мой взгляд – лучшего

журнала по фотографии, напечататься в котором «было мечтой моего детства»), я имею реальное представление об этой сфере. Более того, гораздо более серьезный и, как следствие, гораздо более публикуемый фотограф, нежели я, поведал мне о том, что большинство журналов (в том числе и вроде бы солидный «Фото и видео») вообще не платят гонораров авторам – по их мнению, они делают нам одолжение, публикуя наши статейки. Дикость какая-то...

Впрочем, я отвлекся. Несмотря на наши разъезды, я все-таки успевал еще иногда поснимать и как раз об этом я и расскажу ниже.

Помнится, я уже неоднократно писал о конфликтах, постоянно происходящих между портными и крупными черными муравьями, обитавшими у меня в поле. Стоит портному завидеть врага, как он тут же бросается в атаку «не щадя живота своего», и особенно не щадя живота своего противника. Как раз за этим занятием я и застал одного из портных.



Черный муравей пытался убраться восвояси, но вцепившийся в его заднюю лапу противник никак не хотел расставаться. В конце концов портному удалось найти точку опоры: уцепившись всеми конечностями за волокна валявшейся на земле расщепленной ветки, он сумел остановить дальнейшее

движение черного гиганта. Поза агрессора была точно такой же, как если бы он был занят своим обычным делом, то есть соединением краев двух разных листьев, вот только вместо второго листа челюсти его сомкнулись теперь уже на передней лапе весьма опасного противника.



В таких случаях черные муравьи частенько пускают в ход свои могучие жвала, буквально перекусывая портных пополам, но этот то ли не владел искусством перекусывания вовсе, то ли кусал не там, где надо, но пара его атак почему-то не имела успеха. В итоге он оставил свои тщетные попытки сделать из одного большого портного несколько маленьких портняжек и просто старался освободиться и удрать. Увы, но и эта задача оказалась не из простых.

Около десяти минут он беспрерывно тянул своего врага то в одну, то в другую сторону – так в сильный шторм под ударами ветра и волн корабль рвется с якоря в разные стороны, натягивая цепь до предела.



И было бы не удивительно, если бы «цепь» в конечном итоге порвалась в самом прямом смысле слова, но это все никак не происходило. Наконец черный гигант приложил последнее отчаянное усилие, и портной разжал челюсти, оставшись лежать на месте. Измотанный страшным напряжением, он просто умер.

Но и его соперник прожил не многим дольше. Едва проковыляв несколько шагов, он завалился на бок и, пошевелив некоторое время лапками, затих.

Таковы сила, выносливость и самоотверженность портных. Они скорее умрут ожидая подмоги, чем отпустят край листа или свою добычу. И иногда им действительно приходится умирать.

...



Это существо я повстречал уже в апреле, когда стало по-настоящему жарко. Мне кажется, что раньше я его уже видел, но тогда это была крохотная (1-2 мм) черная козявка в белую точку, которую я даже не пытался фотографировать. И вот в апреле Оно (и несколько его собратьев) поселилось на кустах, росших чуть в стороне от моего любимого поля. Подпускало оно к себе без больших проблем, но все время держалось в тени. Когда же я попытался вытащить его на свет, оказалось, что скачет оно не хуже блохи. Несмотря на это, пару раз мне все-таки удалось его сфотографировать.

...

Примерно в тот же период я стал свидетелем охоты стрекозы-стрелки, обычно поражающей исключительно изящностью формы и окраски, за ее сородичами. Поначалу казалось, будто самец ищет самку сами знаете для чего, однако правдой это оказалось только наполовину. Найдя самку, он не стал заниматься с ней сами знаете чем, а попросту съел, как какой-нибудь язычник с Соломоновых островов. Впрочем, не

знаю: ведь если верить Зюскинду, это может быть наивысшим проявлением любви...



...



Эту цикаду я сфотографировал в Перияре, назвав снимок «Глас Перияра». Когда они дружно заводят свою песнь, рев черных обезьян, крики птиц и все остальные звуки растворяются в ней без следа. Но справедливости ради отмечу: за пару дней в заповеднике мне удалось обнаружить еще два вида цикад и оказалось, что по крайней мере один из них скрежещет наравне с изображенным на фото. Просто обнаружить это удастся не сразу, поскольку держатся представители второго вида всегда в тени и их редко можно увидеть на освещенных участках леса.

Там же мне повстречался крупный паук, умудряющийся оставаться практически незаметным несмотря на свои внушительные размеры.



К сожалению, пробыл я в Перияре недолго. Однако даже пары дней оказалось достаточно, чтобы оценить его богатство. Мне встречались и

огромный, с оранжевыми пятнами на надкрыльях жук-дровосек, и палочники, и скорпион, и крупная роющая оса вроде той, что я видел однажды у себя в поле; в траве копошилось множество сверчков. Про крупную «дичь» вроде слонов, кабанов, диких быков, обезьян нескольких видов, гигантских малабарских белок я и не говорю – этого добра тут навалом. Так что если мне еще доведется побывать в Индии, я обязательно вернусь в Перияр – всерьез и надолго.